

А Й Р И С

МЁРДОК

КОЛОКОЛ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Айрис Мердок

Колокол

«Издательство АСТ»

1958

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Мердок А.

Колокол / А. Мердок — «Издательство АСТ»,
1958 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-149062-1

Одно из самых значимых произведений Мердок, затрагивающее тему стремления человека к духовности и обретению собственного «я». Старинная легенда гласит: колокол женского монастыря Имбер упал с колокольни, когда молодая монахиня нарушила обет, тайно встретившись с возлюбленным. Прошли века, а колокола в аббатстве по-прежнему нет... Как нет и покоя мятущимся душам обитателей общины, расположенной неподалеку в имении Имбер-Корт. Общины, основанной на религиозных принципах и объединившей людей, желающих жить простой и праведной жизнью. А когда в Имбер-Корт появляются двое новых постояльцев – энергичная и непосредственная Дора Гринфилд и наивный восемнадцатилетний юноша Тоби, – отношения между всеми героями начинают завязываться в тесный клубок, распутать который будет очень непросто...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149062-1

© Мердок А., 1958
© Издательство АСТ, 1958

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Айрис Мердок Колокол

Серия «Эксклюзивная классика»

Iris Murdoch
UNDER THE NET

Перевод с английского *О. Рединой*

Печатается с разрешения Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

© Iris Murdoch, 1958

© Перевод. О. Редина, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

Дора Гринфилд ушла от мужа потому, что боялась его. По той же причине полгода спустя решила к нему вернуться. Разлука с Полом, который преследовал ее письмами, телефонными звонками и звуками мерещившихся на лестнице шагов, обернулась еще большей мукой. Ее терзало чувство вины, и с чувством вины в душу закрался страх. Пусть уж, решила она наконец, докучает своим присутствием, чем отсутствием.

Хоть Дора почему-то считала, что лучшие ее денечки уже позади, она была еще очень молода. Выросла она в лондонской семье скромного достатка. Отец умер, когда ей было девять, и мать, с которой они никогда особо не ладили, вышла замуж во второй раз. Восемнадцати лет Дора поступила в школу Слейда¹, где платили стипендию, и проучилась там два года, пока не встретила Пола. Роль студентки художественной школы вполне устраивала Дору. Это и впрямь была единственная роль, которую она способна была играть с удовольствием. Из жалкого, неказистого подростка она в колледже превратилась в пухленькую, на персик похожую девушку; у нее водились небольшие деньги на карманные расходы, и она тратила их на широкие цветастые юбки, пластинки с джазом и сандалии. В ту пору, теперь казавшуюся невообразимо далекой, хотя минуло всего три года, она была счастлива. Дора, с запозданием понявшая, что значит быть счастливой, теперь тревожилась, что не может быть счастлива ни с мужем, ни без него.

Пол Гринфилд, тринадцатую годами старше жены, был искусствовед, сотрудник Галереи Куртолда². Он происходил из семьи потомственных немецких банкиров и был человеком обеспеченным. Родился он в Англии, учился в английской школе и распространяться о происхождении своих предков не любил. О бирже и акциях помалкивал, но капитал всегда держал в обороте. Дору он увидел, когда пришел читать в училище лекцию о средневековой резьбе по дереву.

Предложение его Дора приняла без колебаний по многим причинам. Она пошла за него потому, что у него был безупречный вкус и квартира на Найтсбридже. Потому, что видела в нем натуру цельную и благородную. Потому, что он был таким взрослым – в сравнении с ее тощенькими нервными приятелями по училищу. Ну и немножечко из-за денег. Дора им восхищалась и была крайне польщена его вниманием. Она надеялась посредством «выгодного замужества» – как говаривала ее матушка (та буквально лопалась от зависти) – войти в общество, научиться хорошим манерам. Правда, тогда она слабо себе представляла, что это такое. Дора пошла за Пола еще и потому, что тот питал к ней прямо-таки демоническую страсть. Поклонником он был неистовым, романтичным; было в нем нечто экзотическое, что волновало ее воображение, изголодавшееся в бедной событиями жизни и не утоленное детскими провинциальными забавами студенческого быта. Дора не то чтобы страдала комплексом неполноценности – она просто весьма невысоко себя ставила. И ее изумило, что Пол вообще обратил на нее внимание, и изумление это быстро переросло в восторг: как легко может она увлечь этого тонченного, искушенного человека. Она и не сомневалась, что сама влюблена в него.

Выйдя замуж и обосновавшись в квартире на Найтсбридже, в окружении уникальной коллекции резной слоновой кости, Дора поначалу вполне удачно справлялась с обязанностью быть счастливой. Но шло время, и она начала потихоньку понимать, что до идеала жены Пола не так-то просто дорасти. В воображении она рисовала себя просвещенной, самостоятельной дамой, но, побыв в качестве миссис Гринфилд около года, прежний свой идеал нашла недо-

¹ Школа Слейда – художественное училище при Лондонском университете; основано в 1871 г.; названо в честь Ф. Слейда (1790–1868), филантропа и коллекционера произведений искусства.

² Галерея Куртолда (Courtauld Institute Galleries) основана в Лондоне в 1932 г., славится ценным собранием картин; названа в честь фабриканта С. Куртолда, принесшего галерее крупный дар.

стижимым и невзлюбила его. Пол считал, что ей хочется оставить учебу, и она пошла на это с некоторым сожалением. Но так как была ленива и выказывала мало признаков таланта, то и вздохнула с некоторым облегчением. Пол, которого ухаживанье выбило из жизненного ритма, женившись, вновь с одержимостью, так нравившейся Доре, окунулся в работу. Пока Пол долгими часами просиживал в Куртолке или Британском музее, она изнывала от избытка свободного времени. Дора попыталась было держать квартиру в образцовой чистоте, да не посмела сдвинуть с места ни одной вещицы. Потом начала разводить долгие приготовления к званым обедам для друзей Пола – еду в таких случаях Пол обычно готовил сам. Все это ее радовало, но ощущения, будто это именно то, чего бы ей хотелось, не появлялось. Горделивая уверенность, которую поначалу вскормила в ней любовь Пола, мало-помалу улетучивалась. И в душу закрадывалось подозрение: Пол, столь настоятельно требовавший, чтобы она развивалась духовно, в какой-то мере подавляет ее. Он хотел научить ее всему сам, но ни времени, ни терпения у него на это не хватало. Она, всегда обожавшая модные журналы и любившая опробовать новые «аксессуары», теперь не знала, как ей следует одеваться. Цветастые юбки и сандалии уже не годились. В конце концов, раздраженная замечаниями Пола, она купила пару безликих дорожных туалетов «на выход», которые казались ей невыразимо унылыми, и на этом вовсе прекратила покупать одежду. Непросто было тратить деньги и на что-то другое – она была не уверена в своем вкусе. Пол, как она втайне догадывалась, считал ее в чем-то вульгарной.

Друзья Пола были ей симпатичны, но и они внушали страх. Все они были очень умны, много ее старше, имели умных жен, внушавших ей еще больший страх. К ней они относились покровительственно, с шутилой снисходительностью. Кое-кто из них, как выяснилось, держал ее за бывшую балерину, и это, по Дориному мнению, кое-что значило. Их с Полом часто приглашали в гости, но она ни с кем так и не подружилась. Один скрипач, правда, проявил к ней интерес и принялся расспрашивать о ее детстве, Дора было обрадовалась, но Пол приревновал, начал злиться, и потом среди гостей она скрипача уже никогда не видела. Перед свадьбой Пол предупреждал Дору о том, что они, по всей вероятности, будут ссориться, но добавил, что для искренне любящих такие перепалки – одна из забав супружеской жизни. Ссоры, а они начались довольно скоро, Доре никакого удовольствия не доставляли. После них она чувствовала себя униженной и опустошенной.

Дора начала чаще встречаться со старыми друзьями, особенно с Салли, та была помоложе Доры и продолжала учиться в Слейде. Она начала чувствовать – и чувство это было наполовину виноватое, наполовину вызывающее, – что она еще очень молода. Прежде ей льстило, когда студенты, обращаясь к Полу, говорили ему «сэр», теперь это ее огорчало. Салли позвала ее как-то раз на танцы в колледж. К танцам Пол испытывал стойкое отвращение. После безуспешных уговоров Дора уехала одна и вернулась часов в шесть утра – пунктуальной она не была от природы. Пол устроил ей сцену, поразившую ее своим неистовством. С этого-то момента она и начала бояться Пола. Правда, она его ни в коей мере не осуждала. Тут в полном блеске проявилась ее неспособность ставить других на место. Пытаясь как-то себя выгородить, Дора выучилась льстить Полу или просто молча противостоять ему. И хотя самосознание в ней еще не заговорило, общение с этой устрашающей личностью все чаще напоминало ей, что она существует сама по себе.

Пол настаивал, чтобы у них были дети или по крайней мере один ребенок, и настаивал в твердой и собственнической манере – как всегда, стоял на своем, когда дело касалось чего-то, что он допускал в свою жизнь. Семейные чувства в нем были сильны, сказывалась тоска по прошлому, по чопорности и церемонности семейных отношений. Он мечтал о сыне, маленьком Поле, которого мог бы наставлять и с которым когда-нибудь смог бы разговаривать как с равным, а то и как с соперником. Дора же леденела при одной только мысли о детях. К их появлению она была не готова, но и мер предосторожности никаких не принимала, что было типичным образчиком того ступора, в который она впадала, когда дело касалось Пола. Будь

она способна к беспристрастной оценке своей ситуации, она бы поняла – ребенок даст ей независимое положение в окружении Пола, а этого ей так не доставало. В ее власти было превратиться в уважаемую и внушительную мать семейства, с мнением которой вынужден был бы считаться даже Пол. Жена-ребенок, она раздражала его своей жизнерадостностью, из-за которой он, впрочем, на ней и женился; материнство же, вне всяких сомнений, придало бы ей значительность, не зависящую от ее личности, значительность, корнями уходящую в века. Но эти достоинства были Доре не по душе, да и сознательно связывать себя было противно ее натуре. Хотя она и всецело находилась во власти Пола, ее никогда не оставляло ощущение, что она, как безответный, юркий зверек, всегда может улизнуть куда-нибудь. Перспективу же лишиться этой звериной юркости, разделившись на два существа, Дора не смогла бы вынести. Ей и не пришлось ее выносить. И хотя, к великому огорчению Пола и его друзей, она и щеголяла привязавшимся со студенческих лет выражением «для любви чего не вынесешь», на самом-то деле она бы с подобной ситуацией не справилась.

Доре с самого начала было ясно, Пол – мужчина страстный, и это ее очень привлекало в нем. В нем ощущалась мужественность, до которой ее приятелям в жизни бы не дорасти. Красавцем назвать его было нельзя, но внешность он имел впечатляющую. Черные блестящие волосы и темные усы, спускавшиеся по уголкам рта, не раз наводили Дору на мысль о том, что в нем была южная кровь. Нос был крупноват, рот резко очерчен, а глаза, чересчур светлые, похожие на змеиные, заставляли в училище трепетать всех, кроме Доры. Ей нравилось видеть в нем нечто строгое, даже безжалостное – особенно когда он был у ее ног. Нравилась ей и роль любовницы, дразнящей, но уже уступающей, и Пол восхищал ее бесконечными открытиями изощренной сексуальности и силой страсти, по сравнению с которыми прошлые ее любовные увлечения казались просто пресными. Правда, теперь она начала видеть его властность в несколько ином свете. Вконец ее огорчили грубость и эгоистичность, с которыми он разрушил прежний строй ее жизни. Ушло из нее что-то приятное и веселое.

Немного погодя Дора перестала пересказывать Полу все, что делала в течение дня. Она встречалась с друзьями, которых, она это знала наверняка, он едва ли одобрит. Был среди них и Ноэль Спенс, молодой репортер, шапочно знакомый с Полом. Когда он ловко передразнивал мужа, Дора поначалу бурно протестовала, думая, что это принесет ей облегчение. Поведения своего Дора не одобряла. Но искушение уйти из элегантной квартиры-недотроги Пола и пропустить по рюмочке с Ноэлем или Салли было слишком велико. Дора пристрастилась к выпивке, и это ей нравилось. Для ловкой обманщицы она была чересчур беззаботна, так что Пол вскоре почувствовал неладное. Он подстроил ей «ловушку», она в нее попала, и начались свирепые объяснения. До предела расстроенного Пола кидало то в жестокость, то в сентиментальность, перепады эти вызывали в Доре страх и отвращение. Она стыдилась своего недостойного поведения, обещала исправиться. Но тяга к запретной компании, где она могла быть самой собой, была неодолимой. Не умевшая быть последовательной или расчетливой, Дора открыто переходила от одной тактики к другой и снова возвращалась к первой.

Дора стала чаще видеться с Ноэлем Спенсом и его беззаботными, любящими хорошенько выпить друзьями. В ней появилась, совершенно независимо от ее намерений, склонность к обманам. Дома Пол изводил ее расспросами и попреками, справедливости которых она не отрицала. Дора силилась ему объяснить, отчего она несчастна, но делала это так бессвязно, да и возмущенный Пол не хотел ее понять. Пол твердо знал, чего он хочет. Он заявил: «Я хочу работать и быть твоим мужем. Я хочу быть для тебя всем – как ты для меня». Дора была подавлена твердостью его намерений и унижена отказом внять ее жалобам. И коль скоро она не умела ни трезво судить о других, ни мысленно разложить по полочкам их поступки, она не могла ни принять требований Пола, ни отстоять своих. Наконец, повинаясь чувству обреченности, которое заменяло ей нравственные принципы, она ушла от Пола.

Дора отправилась поначалу к матери, но они сразу же поссорились. Пол, удостоверившись, что она и впрямь оставила его, прислал ей мелочное, вполне в его духе, письмо. «Как ты понимаешь, у меня по отношению к тебе нет никаких законных обязательств. И все же я назначаю тебе сорок фунтов, они будут начисляться на твой счет до тех пор, пока ты не придешь в чувство и не вернешься. Я не желаю, чтобы ты жила в нищете. С другой стороны, едва ли ты вправе рассчитывать на то, что я буду щедро финансировать твой аморальный разгул, а в недалеком будущем, уверен, и адюльтер. Твое счастье, что ты можешь не сомневаться в моей любви. Она остается неизменной». Дора решила отказаться от денег – и приняла их. Сняла комнату в Челси. Вскоре у нее завязался роман с Ноэлем Спенсом.

Как только Дора избавилась от Найтсбриджа и тоски вечерних пререканий с Полом, она почувствовала сильное облегчение. Но вскоре ощутила, что у нее нет больше рядом другой жизни, в которой можно было бы укрыться, как в нише. Она все сильнее привязывалась к Ноэлю Спенсу. Тот оказался нежным и деликатным, он сказал ей: «Дорогая, живи у меня, будь моей, но помни только, что я самый легкомысленный человек на свете». Дора понимала – говорил он это, чтобы успокоить ее, но все равно была ему благодарна, и действительно успокоилась душой. Она жила в атмосфере наигранной, вымученной фривольности, мысленно рисуя себя беспшабашной богемной особой. Она старалась не вспоминать о том, какую рану нанесла Полу. Вспоминать Дора вообще не умела. Но она была слишком привержена традициям, чтобы не мучиться чувством вины и не переживать весьма болезненно свое положение. Она из сил выбивалась, лишь бы вернуть свою былую жизнерадостность. Потом начала бояться – вдруг явится Пол и силком принудит ее вернуться или же устроит Ноэлю сцену. Честно говоря, Пол не преследовал ее, но каждую неделю писал полные упреков письма. В этих письмах она с чувством отчаяния угадывала демоническую силу его воли, непрестанно сосредоточенную на ней, Доре. Она знала – он ее в покое не оставит. Лето она провела за выпивкой и танцами, занимаясь любовью да транжиря деньги Пола на цветастые юбки и пластинки джазовой музыки. Затем, в начале сентября, Дора решила вернуться к мужу.

С июля Пол жил за городом. В одном из писем, на которые она никогда не отвечала, он обмолвился, что работает над чрезвычайно интересной рукописью XIV века, принадлежащей англиканскому монастырю в Глостершире. Его приютила светская религиозная община, живущая при монастыре. Место это очень красивое. Дору трогала верность Пола, но послания его она просматривала вполглаза, отыскивая в них угрозы, и тотчас рвала их, дабы не видеть его почерка. Так что почерпнула она из этих писем мало, разве что названия. Монастырь именовался Имбером, дом, в котором остановился Пол, Имбер-Кортом. По этому-то адресу и отправила Дора вымученное письмецо, полуизвиняющееся, полубожиженное, дабы известить мужа, что намеревается вернуться.

С обратной почтой она получила от Пола прохладную деловую записку, гласившую, что он будет ждать ее в пятницу: она должна сесть в 4.56 на пригородный поезд в Паддингтоне, а в Пенделкоте ее встретит машина. Он прилагал к записке ключ от квартиры – на случай, если она потеряла свой. Не могла бы она, кстати, захватить его итальянскую соломенную шляпу, темные очки, а также голубой блокнот из верхнего ящика письменного стола? Доре, которая очень расчувствовалась от того, что писала в письме, этого показалось маловато. Она-то думала, Пол примчится за ней в Лондон. И никак не предполагала, что ее так бесцеремонно вызовут в деревню. При мысли о встрече с Полом в столь странном окружении на нее накатила паника. Что это за религиозная община? Невежество Доры в вопросах религии, впрочем, как и во многом другом, поистине не знало границ. Она и веры от суеверия толком-то не отличала, а сама отошла от обрядов, когда обнаружила, что выучилась читать «Отче наш» не медленно, а скороговоркой. С такого рода верой она рассталась без всяких сожалений, а случая пересмотреть свои взгляды на этот вопрос не представлялось. Интересно, думала она, принимает ли Пол участие в религиозных обрядах? Они с ним торжественно венчались в церкви, правда, многие знако-

мые Пола отнесли к этому с известной долей иронии. Но Пол следовал примеру отца и деда, желая предельно англизироваться во всем, что касается сословия и веры. Доре потребовалось определенное время, чтобы осознать это, и, когда она этой мыслью прониклась, ощущение призрачности их отношений еще сильнее в ней укрепилось. Более того, неприязнь к Полу-христианину перекрывала даже неприязнь к Полу-ученому, ибо с этой стороны для бедной Доры он был еще менее доступен. Верил ли Пол в Бога? Этого она не знала. Как только она поняла реальность существования Пола и в сознании ее уложилась мысль, что он существует, несмотря на эту странную разлуку, продолжает жить, думая о ней, осуждая ее, сердце у нее упало. Она решила не ехать.

К первоначальному решению она вернулась, переговорив с Салли, которая, как подозревала Дора, недолго любила Ноэля и всегда благоволила к Полу, а также с Ноэлем, который был обеспокоен ее состоянием и не знал, что с ней делать. Вещи с Найтсбриджа Дора забирала с замираньем сердца: едва она открыла дверь и увидела знакомую обстановку, безмолвно укоряющую, ничуть не изменившуюся, только пропахшую нежилым духом, внутри у нее все сжалось. Она собрала кое-что и из собственной одежды. Побег ее был не таким уж внезапным, но совершенно неподготовленным. Близилась пятница, страх вновь увидеться с Полом душил в Доре все прочие чувства. Она все время плакала, пока Ноэль вез ее к Паддингтону.

День был невыносимо жаркий. Они приехали задолго до 4.56, но поезд уже подали, и в нем было много народу. Ноэль отыскал место в уголке, поближе к проходу, забросил большой чемодан на верхнюю полку, на него – картонку с итальянской соломенной шляпой Пола. Дора оставила на сиденье парусиновую дорожную сумку, и они с Ноэлем вышли на платформу. Глянули друг на друга.

– Уходи, не жди, – сказала Дора.

– У тебя зубы стучат, – ответил Ноэль. – Как это, интересно, у тебя получается? Никогда не наблюдал подобного феномена.

– Ох, заткнись.

– Выше нос, дорогая, – подбадривал ее Ноэль. – А то ты прямо олицетворение скорби. В конце-то концов, если тебе все опротивеет, ты всегда можешь смыться. Ты же вольная птица.

– Ты думаешь? – пробормотала Дора. – Ну хорошо, хорошо, носовой платок я взяла. А теперь уходи, пожалуйста.

Они стояли, взявшись за руки. Ноэль – крупный мужчина с бледным, без единой морщинки лицом и бесцветными волосами. С виду мягкий, неуклюжий, очень обходительный, он был похож на большого игрушечного медвежонка. Он улыбнулся Доре, стараясь с участием, без иронии отнестись к ее настроению.

– Черканешь дяде Ноэлю?

– Если смогу...

– Ну-ну, давай без трагедий. Главное, не позволяй там этой публике внушать себе чувство вины. Из этого никогда ничего хорошего не выходит.

Он поставил ладони ей под локотки и слегка приподнял. Они поцеловались.

– Пламенный привет Полу.

– А пошел ты... Прощай...

Дора вошла в поезд. Теперь народу в нем было действительно полно, на каждой лавке сидели вчетвером. Прежде чем сесть, она быстро окинула себя взглядом в зеркале. Выглядела она, несмотря на все эти ужасные события, просто прекрасно. У нее было славное округлое лицо, крупный улыбчивый рот, большие серо-голубые глаза. Слегка подведенные, но не выщипанные, подвижные брови вразлет. Золотисто-каштановые волосы длинными прядями так прямо и решительно падали на плечи, что напоминали папоротник, свисающий со скалы. Все вместе выглядело весьма привлекательно. Ее внешность была совсем не такой, как когда-то.

Дора обернулась к своему месту. Полная дама слегка подвинулась. С омерзением чувствуя себя грузной, горячее, да еще в дорогой и безликой одежде, которую не надевала с весны, она втиснулась на сиденье. Как противно было сидеть впрыток к чужому, жаркому телу. Юбка была тесна. Туфли на высоких каблуках жали. Да еще этот мерзкий запах – своего и чужого пота. День был чертовски жарким. И все же, отметила она про себя, ей повезло – хоть сидит, – и она стала с удовлетворением посматривать в забитый людьми проход.

Какая-то престарелая дама, продравшись через толпу, остановилась у двери Дориного купе и обратилась к ее соседке:

– А, ты здесь, дорогая, я думала, ты ближе к головным вагонам.

Они довольно-таки мрачно переглянулись – леди перегнулась через притолоку, ноги ее были зажаты в куче вещей – и завели разговор о том, что никогда, мол, не видели в поезде столько народу.

Дора уже ничего не слышала – ужасная мысль ударила ей в голову. Ей придется уступить свое место. Мысль эту она от себя гнала, но та не отступала. Ну конечно. У пожилой дамы такой нездоровый вид, и будет правильно, если Дора, молодая и здоровая, уступит место, чтобы та села подле своей приятельницы. Кровь бросилась Доре в лицо. Куда спешить? Она затаилась и принялась обдумывать ситуацию. Вполне возможно, что, сознавая необходимость уступить место, она этого не сделает из чистого эгоизма. Да это в чем-то и лучше – чем если бы ей вообще не пришло в голову, что пожилым надо уступать место. По другую сторону от Дориной соседки сидел нестарый мужчина. Читал себе газету и, судя по виду, о долге своем не помышлял. Может, Доре подождать, пока до него дойдет, что надо уступать место дамам? Дождешься, пожалуй... Дора оглядела соседей по купе. Никто не обнаруживал ни малейшего чувства неловкости. Лица соседей, не уткнувшись в книжки, лучились самодовольством, которое, верно, было написано и на ее собственном, когда она поглядывала на сутолоку в проходе. Правда, было еще одно обстоятельство. Она-то побеспокоилась о том, чтобы приехать заранее, и должна быть за это вознаграждена. Впрочем, эти дамы, может, не могли приехать раньше? Кто знает. И все же элементарная справедливость требовала, чтобы у тех, кто первым пришел на вокзал, были сидячие места. Старая дама прекрасно устроится и в проходе. В конце концов, в проходе полно престарелых дам, и никого это, похоже, не волнует, и меньше всего их самих! Дора терпеть не могла бессмысленных жертв. К тому же она изнурена переживаниями и заслуживает покоя. Хорошо ли будет, если она приедет на место совсем измотанной? Дора всерьез считала, что нервы ее на пределе. Места она решила не уступать.

Дора поднялась и обратилась к стоявшей даме:

– Присаживайтесь, пожалуйста. Мне недалеко, могу и постоять где-нибудь.

– Как это мило с вашей стороны! – воскликнула старая дама. – Я теперь могу сесть рядом с приятельницей. Знаете, у меня есть место – там, дальше. Может, мы поменяемся? Давайте я помогу вам перенести туда вещи.

У Доры на радостях вспыхнули щеки. Что может быть приятнее неожиданного вознаграждения за благородный поступок?

Она начала протискиваться через проход со здоровенным чемоданом, а пожилая дама несла за ней дорожную сумку и шляпу Пола. Продвигаться было нелегко, так что шляпе Пола, наверно, досталось. Поезд тронулся.

Когда они добрались до нужного купе, оказалось, что у дамы место у окна. Доре положительно везло. Поскольку вещей у дамы было мало, обратно она отправилась одна, и Дора принялась устраиваться.

– Давайте помогу, – предложил высокий загорелый мужчина, сидевший напротив. Он легко забросил чемодан на полку, Дора кинула поверх него шляпу Пола. Мужчина приветливо улыбнулся. Они сели. В этом купе все были куда изящней.

Дора прикрыла глаза и вспомнила о своем страхе. Она возвращалась – и по собственной воле – во власть человека, который отрицал или порицал все ее душевные порывы, и к тому же теперь у него были все основания обвинить ее в безнравственности. Вот оно, замужество, думала Дора, – быть под чужим игом. Что Пол был в ее власти, ей и в голову не приходило. Ничего не поделаешь, замужество ее – факт, и факт из числа немногих остающихся неизменными в ее беспорядочном существовании. Она едва не расплакалась и постаралась переключиться на что-нибудь другое.

Поезд громыхал по Мейденхэду. Дора пожалела, что не вынула перед отправлением поезда книжку из чемодана. Соседа просить было неудобно. Да к тому же книга была на дне чемодана, а бутылки с виски сверху, так что лучше уж в чемодан не лезть. Она принялась изучать своих попутчиков. Какие-то серенькие, не поддающиеся описанию женщины, пожилой мужчина да напротив двое мужчин помоложе. Точнее – мужчина и юноша. Юноше, который сидел подле окна, было лет восемнадцать, а мужчине, который помог ей с чемоданом, где-то под сорок. Они, похоже, ехали вместе и хорошо смотрелись рядом. Мужчина был крупный, широкоплечий, но лицом худой и слегка изнуренный, что замечалось только тогда, когда присмотришься к его загару. Лицо у него было открытое, приветливое, широкий лоб пересекал ряд ровных морщин. В густых вьющихся волосах поблескивала проседь. Он скрестил на колене тяжелые жилистые руки и без всякого смущения рассматривал пассажиров напротив. Он был из тех людей, что сразу располагают к себе, и потому мог смело встречаться со взглядом незнакомца, не боясь при этом показаться назойливым, заискивающим или просто любопытным. Одет он был не по погоде – в тяжелый твидовый костюм. Пот со лба он отирал чистейшим носовым платком. Дора стянула с себя жакет и, незаметно сунув руку под блузку, нащупала проступивший между грудями пот. Она переключила внимание на юношу.

Тот сидел не без кокетливого изящества: протянув вперед ногу и едва касаясь Дориной ноги. На нем были темно-серые фланелевые брюки и белая рубашка с открытым воротом. Пиджак он забросил на верхнюю полку. Рукава у рубашки были закатаны, и на его обнаженной руке, лежавшей на пыльном подоконнике, нежилось солнышко. Он, по всей видимости, на воздухе бывал реже, чем его спутник, но щеки его были тронуты свежим, красноватым загаром. Голова у него была совершенно круглая, глаза темно-карие. Волосы блекло-каштанового цвета, чуть длинней обычного падали на шею ровно подстриженной волной. Он был очень худенький, а такой беззастенчивый взгляд широко распахнутых глаз мог быть только у безмятежно-счастливого человека.

Дора признала этот былой свой взгляд на мир, когда глядела на этого мальчика, доверчивого, неиспорченного, пышущего здоровьем, не растратившего сил. Юность изумительная пора. И как неуместны здесь сочувствие и жалость. Ведь за юностью наступает куда более трудный возраст, когда и надежд остается меньше, и возможностей изменить что-то, когда жребий уже брошен и нужно идти по избранному пути, а навыков никаких нет и нет даже простой житейской мудрости, когда – как это случилось с ней самой – хочешь быть *une jeune fille un peu folle*,³ а становишься просто женщиной и, хуже того, женой. У молодых свои заботы, но у них хоть есть определенная роль в жизни – быть молодыми.

Пара напротив разговаривала, и Дора бездумно прислушивалась.

– Только не забрасывай учебники, – говорил мужчина, – а то как бы до октября вся математика у тебя из головы не выветрилась.

– Я буду стараться, – ответил юноша. Рядом со своим спутником он держался овцой. Не отец ли это с сыном, подумала Дора, но потом решила, что они больше походят на учителя с учеником. Было в старшем что-то от наставника.

³ Молодой, слегка безрассудной девушкой (*фр.*).

– Везет вам, молодым, – продолжал мужчина, – очутиться в Оксфорде! Ты, поди, волнуешься?

– Да, – ответил юноша. Ответил тихо, его, похоже, нервировало, что разговор идет на публику. Голос у его спутника был громкий, раскатистый, а в купе больше никто не разговаривал.

– Прямо скажу, завидую я тебе, Тоби, я в свое время упустил такую возможность и всю жизнь жалею об этом. В твои годы моя голова была забита только парусниками.

Тоби, промелькнуло у Доры, Тоби Круглоголовый.

– Да, повезло, – промямлил юноша.

Тоби явно старается подладиться под учителя, подумала Дора. Она выудила последнюю сигарету из пачки и, убедившись, что та пуста, выбросила ее, после минутного колебания, в окно. Она поймала на себе осуждающий взгляд мужчины – неодобрение лишь на секунду отразилось на его лице и тут же исчезло. Она попыталась заправить блузку под корсаж юбки. День, похоже, становился все жарче.

– А какая прекрасная специальность, – говорил мужчина. – Быть инженером – это же благороднейшая профессия, с ней нигде не пропадешь. В том-то и беда современной жизни, что нет у людей больше настоящего дела в руках. В былые времена кем мы были? И швец, и жнец, и в дуду игрец, так ведь?

– Да, – ответил Тоби.

К этой поре он уже приметил пристальный взгляд Доры. Застенчивая улыбка то и дело пробегала по его пухлым и, как сформулировала про себя Дора, соблазнительно алым губам. Он нервно потянулся и задел ее ногой. Сразу же резко отпрянул и спрятал ноги под скамейку. Дору это позабавило.

– Это одна из наших главных задач, – продолжал мужчина, – вернуть жизни посредством труда ее былую значимость и утраченное достоинство. Слишком много людей в наше время ненавидят свою работу. Потому и обретают такое значение искусство и ремесла. Даже к хобби стали относиться серьезнее. А у тебя есть хобби?

Тоби от ответа уклонился.

Дора заметила стоявших у обочины детишек, они махали проходящему поезду, помахала в ответ и она и невольно улыбнулась. Она поймала на себе взгляд Тоби, тот тоже улыбнулся, но сразу отвел глаза.

Под пристальным Дориным взглядом он начал заливаться краской. Дору это привело в умиление.

– Ведь это проблема всего нашего общества, – развивал свою мысль мужчина. – Но у нас есть и своя личная жизнь – и ею надо как-то распорядиться, так ведь? И что останется от свободы, если это чувство личного призвания будет утрачено. Не надо бояться прозвища «чудак». Пусть мы будем всем примером, каким-то напоминанием, хоть и символическим. Ты согласен?

Тоби был согласен.

Поезд начал медленно сбавлять ход.

– Вот мы и в Оксфорде, – заметил мужчина, – гляди, Тоби, это твой город.

Он кивнул в окошко, и все в купе повернулись, дабы глянуть на цепь башен, переливавшихся от зноя серебром на фоне ослепительно-светлого неба. Доре вдруг вспомнилось путешествие с Полом по Италии. Она однажды поехала с ним, когда ему нужно было дать консультацию по какой-то рукописи. Пол ненавидел заграничные поездки. Соответственно и Дора была настроена так же – видела лишь пустоши, еле различимые под слепящим солнцем, да несчастных голодных кошек, которых официанты гоняли салфетками от дорогих ресторанов. Ей вспомнились башни городов, которые приходилось наблюдать лишь с вокзалов, и славные их имена – Перуджа, Парма, Пьяченца. Странное, вроде ностальгии, чувство защемило внутри.

Оксфорд в летнем мареве казался не менее чужим, чем итальянские города. Она тут не бывала. Пол был выпускником Кембриджа.

Поезд остановился, но пара напротив с места не двинулась.

– Да, символы вообще много значат, – продолжал мужчина. – Ты знаешь, что всякий символ имеет сакраментальный смысл? Не хлебом единым жив человек. Помнишь, что я рассказывал тебе о колоколе?

– Да, – оживился Тоби. – А его привезут до моего отъезда?

– Наверняка, – ответил мужчина. – Он прибудет недели через две. Мы замыслили небольшое торжество – нечто вроде крещения. Все будет очень красочно и в духе традиций. На церемонию весьма любезно согласился приехать епископ. Ты будешь одним из посетителей – одним из немногих, точнее, первым из многих. Мы ведь надеемся, что к нам в Имбер станут часто приезжать молодые люди.

Дора так и подскочила на скамейке, ринулась к проходу, по дороге споткнулась. Лицо у нее горело, и она его прикрыла ладонью. Сигарета упала на пол, она не стала ее поднимать. Поезд тронулся.

Спутать названия она не могла. Эти двое тоже наверняка едут в Имбер, они, должно быть, члены той самой таинственной общины, о которой писал Пол. Дора облокотилась на перила. Пошарила в сумочке, сигарет не нашла. Она их, кажется, оставила в кармане жакета. Вернуться за сигаретами она была не в силах. Позади слышались голоса Тоби и его наставника, и ей вдруг почудилось, что они говорят о ней. Совсем недавно они были для нее развлечением, а теперь могут предстать перед ней в роли судей. Это знакомство в поезде – нечто случайное, легкое и ни к чему не обязывающее. Такие знакомства нравились Доре своей безобидностью. Теперь же оно выглядело прелюдией, открывавшей печальную перспективу куда более тягостного общения. Интересно, рассказывал ли о ней Пол в Имбере и что именно. Ее воображение, уже свыкшееся с тем, что все эти месяцы разлуки Пол действительно существовал на свете, теперь было захвачено мыслью о том, что существовал-то он не в одиночестве. Вдруг было известно, что она сегодня приезжает? Вдруг этот загорелый мужчина, теперь уже определенно глядевшийся священником, выслан в дозор и наблюдает за всеми, кто с виду походит на жену Пола? Вдруг он заметил, как она пыталась заигрывать с Тоби? Но как, однако, описал ее Пол?

Воображение у Доры было могучее – во всяком случае, когда дело касалось ее самой. Она давно уже осознала, сколь чревато оно опасностью, и выучилась его, как и память, усыплять. Но сейчас воображение разыгралось и терзало ее всякими видениями. Реальность, в которую она вот-вот вступит, разворачивалась перед ней вереницей осуждающих лиц, и Доре казалось, что порицание, которое она готова была принять от Пола, теперь будет исходить от каждого члена этой уже ненавистой ей общины. От негодования ее передернуло, и она закрыла глаза. Как же она об этом не подумала? До чего же она все-таки глупа – дальше собственного носа ничего не видит. Пол выросал в многоликое чудовище.

Она глянула на часы и в ужасе поняла, что до Пенделкота осталось минут двадцать езды. Скоро она увидит Пола – от этой мысли сердце у нее заныло от боли и радости. Нужно возвращаться в купе. Она припудрила нос, заправила под корсаж выбившуюся блузку, застегнула воротничок и, низко опустив голову, вернулась на свое место. Тоби и его наставник по-прежнему разговаривали, но Дора бормотала про себя ругательства, дабы не слышать их речей. Она решительно уставилась в пол, сосредоточившись на грубых башмаках и на сандалиях Тоби. Боль в сердце все усиливалась.

Тут Дора заметила на пыльном полу, под лавкой напротив, бабочку, красного адмирала. Все мысли разом вылетели у нее из головы. Она обеспокоенно наблюдала за бабочкой. Та, взмахнув крылышками, начала подбираться к окну прямо у ног пассажиров. У Доры перехватило дыхание. Надо что-то делать. Но что? Она вся вспыхнула от замешательства. Не может же она взять и перед всей этой публикой нагнуться да поймать бабочку. Все подумают, она

дурочка. Об этом не может быть и речи. Загорелый мужчина, удивленный, по-видимому, сосредоточенным Дориным взглядом, наклонился, ощупал шнурки на ботинках. Завязаны вроде крепко. Он приподнял ноги и едва не задел ими бабочку, она теперь выбралась в проход между лавками.

– Извините, – сказала Дора. Она стала на колени, посадила бабочку на ладонь и прикрыла сверху другой рукой, почувствовав, как та затрепыхалась внутри. Все уставились на Дору. Она залилась краской. Тоби и его спутник смотрели на нее в изумлении. Что же теперь делать? Если выпустить бабочку в окошко, ее разобьет о поезд встречным потоком. Держать в руках – уж очень по-идиотски. Она склонилась, притворяясь, будто рассматривает свою пленницу.

Поезд начал останавливаться. Дора в ужасе поняла, что это, должно быть, Пенделкот. Тоби с наставником начали собирать вещи. Вот и станция показалась. Когда поезд совсем уже остановился, ее попутчики были уже у выхода. Дора вскочила, все еще держа в руках бабочку. Она же должна сойти с поезда! Быстро продев одну руку под ручки маленькой сумочки и дорожной сумки и вновь прикрыв притихшую бабочку, она двинулась к дверям купе. Уже шла посадка, и Дора прокладывала себе путь, грубо толкаясь, зато бабочка у нее на груди была в полной безопасности. Ей удалось соскочить со ступенек на платформу, не рухнув при этом, а только покачнувшись на своих неловких каблуках. Дора выпрямилась и глянула по сторонам. Она стояла на открытой стороне платформы, и яркий солнечный свет, отражаясь от блестящего бетонного покрытия, слепил ей глаза. Какое-то мгновение она вообще ничего не видела. Поезд медленно тронулся.

Затем, в состоянии глубокого шока, Дора увидела Пола – тот направлялся ей навстречу. От его уже столь реального присутствия ее кинуло в жар, сердце вновь бешено заколотилось, и страх попеременно с радостью охватил ее. Он немного изменился – похудел, загорел – и в сверкающем свете дня предстал перед ней во всем блеске своей южной красоты и эдвардианской элегантности. На лице у него не было и тени улыбки. Подозрительно сощурив глаза, он пристально всматривался в Дору. Темные усы свисали по уголкам угрюмо скривившегося рта. На какой-то миг Дора порадовалась, что сделала наконец хоть что-то ему приятное. Она вернулась. Но уже в следующий миг, когда он подошел к ней, в душе остались лишь страх и чувство неловкости.

Следом за Полом шли Тоби и его спутник – они, видимо, повстречались чуть поодаль на платформе. Дора видела, как они улыбаются ей из-за плеча Пола. Она сделала шаг навстречу.

– Ну, Дора... – промолвил Пол.

– Привет, – сказала Дора.

– Вот так встреча! – воскликнул спутник Тоби. – Жаль, не знали, с кем мы едем. Мы же словечком не обмолвились в дороге. Ехали с вашей женой и знать не знали, что это она.

– Разрешите представить, – сказал Пол. – Джеймс Тейпер Пейс. А это Тоби Гэш. Надеюсь, я не спутал ваше имя? Моя жена.

Они стояли на ярком солнце, и тени их перекрещивались. На платформе больше никого не было, все уже ушли.

– Рад с вами познакомиться, – сказал Джеймс Тейпер Пейс.

– Я тоже очень рада.

– А где твой багаж? – спросил Пол.

– О господи! – выдохнула Дора. У нее от ужаса даже рот раскрылся. Она же оставила чемодан в поезде!

– Ты оставила его в поезде? – спросил Пол. Дора безмолвно кивнула в ответ.

– Вполне в твоём духе, дорогая. Ну, пойдем к машине. – Пол вдруг остановился.

– Мой блокнот тоже был в чемодане?

– Да, – пробормотала Дора. – Мне очень жаль...

– Ничего, вам все вернут, – заверил Джеймс, – народ тут честный.

– Я этого что-то не замечал, – проронил Пол. Лицо его было непроницаемо. – Что ж, пошли. Ты что так сложила руки – молишься, что ли?

Дора совсем забыла про бабочку. Не разжимая Кистей рук, она развела пальцы в сторону, ладони ее распустились, как цветок. Яркая бабочка вспорхнула, закружилась над ними, попорхала над залитой солнцем платформой и улетела прочь.

Все изумленно молчали.

– Никогда не знаешь, чего и ждать от тебя, – пробормотал Пол.

Все следом за ним двинулись к выходу.

Глава 2

«Лендровер», за рулем которого был Пол, быстро мчался по зеленой дороге. Увитые пыльной зеленью изгороди вплотную подступали к обочине, и листва шуршала, задевая машину.

– Надеюсь, вам впереди удобно, миссис Гринфилд? – спросил Джеймс Тейпер Пейс. – Боюсь, это у нас не самая комфортабельная машина.

– Все прекрасно, – ответила Дора. Она оглянулась и посмотрела на улыбающегося Джеймса, который сторбился на заднем сиденье «Лендровера». Дора еще не оправилась от потрясения: надо же было забыть блокнот Пола в поезде. И его итальянскую шляпу от солнца. На Пола она и глаз поднять не смела.

– Я хотел было поехать на «Хилман-минксе», – сказал Пол, – да их высочество до сих пор не снизили до починки.

Последовало молчание.

– Как точно пришел сегодня поезд, – сказал немного погодя Джеймс, – мы будем в Комплине как раз вовремя.

Дорога пролежала в тени. Заходящее солнце освещало лишь верхушки золотисто-желтых крон вязов, оставляя все прочее в темно-зеленой тени. Дора взяла себя в руки и попыталась вникнуть в окружающий пейзаж. Она глядела на него с изумлением закоренелого городского жителя, для которого сельский ландшафт нечто нереальное, слишком уж он великолепен, слишком уж живописен и слишком уж зелен. Ей вспомнился оставшийся вдалеке Лондон, родная грязная и шумная Кингз-роуд, на которой в этот летний вечер приветливо распахнуты двери баров... Она вздрогнула и подобрала под себя ноги. Скоро она предстанет перед всеми этими незнакомцами, а после – перед Полом. Хоть бы они вовсе туда не добрались!

– Вот мы и приехали, – заметил Джеймс, – это ограда вокруг поместья, в которое мы едем. С милю еще проедем вдоль нее, а там и ворота покажутся.

Огромная каменная стена выросла справа от машины. Дора глядела в сторону, влево. Изгороди исчезли, и Дора всматривалась в даль, через золотистое жнивье, на раскидистую рощу. За ней угадывалась голубая кромка далеких холмов. У Доры было такое чувство, что это последний ее взгляд на внешний мир.

– Когда въедем, откроется прекрасный вид на дом, – продолжал Джеймс. – Тоби, тебе отсюда хорошо видно?

– Очень хорошо, спасибо, – раздался голос Тоби прямо из-за Дориного плеча.

«Лендровер» притормозил.

– Ворота, похоже, закрыты, – сказал Пол. – Я их оставлял открытыми, но кто-то любезно их затворил.

Он остановил машину у стены, колесами в траву, и дважды посигналил. Дора сумела разглядеть громадные колонны с шарами наверху и чуть дальше – высокие железные ворота.

– Не надо сигналить, – сказал Джеймс. – Тоби откроет ворота.

– Конечно! – отозвался Тоби, поспешно выбираясь из машины.

Пока он возился с воротами, подымая массивную задвижку, с подъездной аллеи вылетели два газетных листка, один обернулся вокруг ноги Тоби, а другой, топорщась и перекручиваясь, зашелестел по дороге. Пол, по-прежнему глядя перед собой, как бы не замечая Доры, процедил:

– Надо бы убедить брата Николаса не захламлять все-таки округу...

Джеймс промолчал. Тоби вернулся и нырнул в машину. Пол вырулил на дорогу и, обогнув правый угол ворот, въехал на аллею. Слева от ворот Дора заметила небольшую каменную сторожку. Дверь в ней была нараспашку, и из нее вот-вот должен был выскользнуть еще один газетный листок. В сторожке залаяла собака.

В дверном проеме что-то мелькнуло, это привлекло внимание Доры, она обернулась и увидела коренастого мужчину с длинной шевелюрой темных волос – он вышел на порог и наблюдал за машиной. Джеймс тоже обернулся. Пол, глянув в смотровое зеркало, обронил:

– Ну-ну...

Дора снова села прямо, и тут у нее невольно вырвался возглас изумления. Перед ними предстал огромный дом – он высился вдали, за аллеей. Аллея была погружена во тьму, а паривший над аллеей дом освещали косые лучи солнца. Светло-серый дом на фоне потускневшего вечернего неба блистал умытостью литографии. Центр фасада украшал высокий фронтон, его поддерживали четыре колонны. Крышу венчал позеленевший медный купол. На уровне второго этажа колонны упирались в балюстраду, а от нее двумя полукружиями расходились два лестничных марша.

– Это и есть Имбер-Корт, – сказал Джеймс. – Хорош, верно? Тебе видно, Тоби?

– Палладианский стиль⁴, – отозвался Пол.

– Да, – сказала Дора. Это были первые слова, которыми они обменялись, отъехав от станции.

– Тут мы и живем. Прямо наши владения, влево – монастырские. Дорога к дому не напрямик. Между ними озеро. Сейчас вы его увидите. За ним – монастырская стена. Монастырь скрывают деревья. Башню с нашей стороны озера увидеть можно, а отсюда – только зимой.

Дора и Тоби посмотрели влево и увидели вдалеке, в просвете деревьев, высокую стену, похожую на ту, что тянулась вдоль дороги. Пока они ее разглядывали, машина вильнула по аллее вправо, и показалась вода.

– Я и не думал, что монастырь так близко, – сказал Тоби. – Ой, смотрите, озеро! Здесь можно купаться?

– Можно, если не боишься тины, – ответил Джеймс. – Из-за водорослей здесь не везде безопасно купаться. Лучше посоветоваться с Майклом. Он у нас знаток в этом вопросе.

«Лендровер» теперь катил у кромки воды, она за топкой камышовой зарослью лежала тихой гладью и отливала последние краски дня в тусклую эмаль. Озеро было огромно. Дора смутно различила вдали очертания монастырской стены на другом берегу. Имбер-Корт отсюда виден не был, его скрывали деревья. Озеро сузилось, и машина вновь свернула влево. Пол сбавил ход и с величайшей осторожностью проехал по деревянному мосту, ходившему ходуном под колесами.

– С этой стороны в озеро впадают три ручья, – пояснил Джеймс, – а с другой стороны – речка. Правда, ее и речкой-то не назовешь, теряется где-то в болотах.

«Лендровер» медленно затрясся по второму мосту. Дора глянула вниз и увидела через перекладины поток, переливавшийся зелеными водорослями.

– Дальнего берега озера отсюда не видно, – продолжал Джеймс, – оно огибает дом с той стороны. У озера форма буквы «Г», и этот берег, естественно, вертикальная черточка буквы. Дом же стоит как бы в излучине буквы.

Миновали и третий мост. «Лендровер» опять вильнул влево, и Дора принялась разглядывать дом. Теперь хорошо была видна его боковая сторона – прямоугольник серого камня с тремя рядами окон. За домом, чуть в сторону от дороги, раскинулся двор, окруженный кирпичными строениями, которые венчала изящная башенка с часами.

– А там наш сад, – показал Джеймс, кивая вправо. Дора окинула взглядом поле овощных грядок, теплицы. За ними простирался парк с вековыми деревьями. Воздух тут был душный, сумеречный. Деревья вдали застыли в последнем отблеске угасающего дня.

⁴ Палладианство – направление в европейском (прежде всего английском) зодчестве XVII–XVIII вв., развивавшее, в рамках классицизма, принципы, заложенные в творчестве итальянского архитектора А. Палладио (1508–1580).

«Лендровер» прошуршал по гравии и остановился перед фасадом. Дору трясло от нервного перевозбуждения, она чувствовала, как кровь приливает ей к лицу. Руки и ноги не слушались, когда она попыталась выбраться из машины. Джеймс подошел к дверце и подал ей руку. Высокие каблуки скрипнули по гравии. Она отступила на шаг и глянула снизу на дом.

Отсюда он не казался таким огромным, как издали. Коринфские колонны поддерживали широкий портик над балконом, на который выходили комнаты второго этажа. Балкон обрамляли расходящиеся в стороны симметричные извивы лестниц, в верхней части они закрывали собой боковые крылья дома, а внизу почти смыкались по центру фасада. Два каменных льва уютно, словно кошки, примостились внизу на перилах, а между ними виднелось несколько балконных дверей, прорубленных чьей-то нечестивой рукой в конце XIX века, они вели в просторный зал первого этажа. Над ними помещался каменный медальон, в искусную резьбу которого были вплетены слова «Amor via mea»⁵. Похожий медальон венчал и высокие двери на балконе второго этажа, а высеченные над ними каменные гирлянды уводили взгляд ввысь, к каменным цветам под крышей портика, оживленным прощальными отблесками вечерней зари. Гравийная дорожка, как теперь увидела Дора, была площадкой, окаймленной балюстрадой с урнами и широкими плоскими ступенями, которые растрескались от времени и поросли мхом и травой. Пологий откос спускался к озеру – оно раскинулось прямо перед домом, – к воде от ступеней вела извилистая тропка, по обе стороны которой опасно кренились к земле вязы.

– Потрясающе, – сказала Дора.

– Да, недурственный в своем роде экземпляр, – отозвался Пол.

Дора по опыту знала: ничто не приводит Пола так быстро в хорошее настроение, как возможность ей что-нибудь показать. Он глядел на дом с удовлетворением – будто сам его строил.

– Ученик Иниго Джонса⁶, – начал было он объяснять.

– Надо не мешкать, если хотим успеть к вечерне, – прервал его Джеймс. – Простите великодушно.

Он начал подниматься по лестнице. Остальные поплелись следом. Джеймс приостановился и глянул на них сверху.

– Думаю, вновь прибывшие захотят присоединиться к нам? – спросил он.

– Да, конечно, – ответил Тоби. Похоже, это был единственно правильный ответ.

Вечерня, думала Дора, наверно, это какая-нибудь религиозная служба. Ну и пусть, хоть отодвинется час встречи со всеми обитателями дома и еще более страшный миг, когда она останется наедине с Полом. Она согласно кивнула.

Пол шел молча, погруженный в свои мысли.

Дора поднималась по лестнице, держась за широкие каменные перила, еще хранившие солнечное тепло. Она чуть вздрогнула, когда прикоснулась к дому. Потом ступила на широкий мощеный балкон. Высокие двери вели в просторный холл. Там было довольно темно, света пока не зажигали. Дора вошла следом за Джеймсом и Тоби в холл, различила в полумраке лестницу, потом людей, которые торопливо пересекали холл и скрывались за дверью в дальнем углу. Дух в доме стоял затхлый, как от плесневелого хлеба, дух казенного помещения.

От снующих фигурок отделилась одна женская и направилась в их сторону.

– Хорошо, что приехали вовремя, – сказала она. – Добро пожаловать в Имбер, Тоби и Дора. Мы здесь обращаемся друг к другу по имени. Я так много о вас слышала, что кажется, будто я вас давным-давно знаю.

Женщина, которую Дора теперь могла рассмотреть в полумраке холла, была средних лет, приземистая, с круглым веснушчатым детским лицом, покрытым светлым пушком, что делало

⁵ Путь мой – любовь (лат.).

⁶ Иниго Джонс (1573–1652) – английский архитектор, крупнейший представитель палладианства.

ее похожей на добродушного львенка. У нее были радостные голубые глаза и очень длинные светлые волосы, аккуратно убранные в косы вокруг головы.

– Это миссис Марк, – представил ее Джеймс.

– Не хотите передохнуть? – спросила Дору миссис Марк.

– Нет-нет, благодарю, – ответила Дора.

И тут через плечо миссис Марк Дора увидела красивую девушку, которая спешила вслед за остальными по направлению к двери. Стройная, с продолговатым печальным лицом, на котором выделялись тяжелые миндалевидные веки. Копна густых темных волос собрана в низкий узел. Выбившиеся непокорные кудри венчиком обрамляли высокий лоб. Прежде чем войти в дверь, она полуобернулась и улыбнулась Доре.

Дора ощутила мгновенный укол неудовольствия. Она-то полагала, что, оказавшись в столь чуждой ей обстановке, она хотя бы будет единственной красивой женщиной. Женщина с данными миссис Марк была здесь у места. Но та, которую она только что видела, вносила какую-то сумятицу, ее появление было как дурное предзнаменование, если не сказать – угроза. Дора опомнилась – она же забыла улыбнуться в ответ. Улыбка появилась на ее губах, но девушка уже скрылась за дверью.

– Так мы идем? – спросила миссис Марк.

Она пошла первой, за ней Дора с Полом. А следом Тоби и Джеймс. Джеймс обогнал их, отворил перед ними дверь, и они ступили в широкий коридор. Пол взял Дору за руку, стиснул ее ладонь и больше уже не выпускал. Хотел он ее таким образом утешить или приободрить – этого Дора не знала. Она не отвечала на его пожатия, обиженная этой мертвой хваткой, сломленная обуревавшей ее тоской.

В следующий миг они уже входили в большой длинный зал, в котором горел свет. Прямо напротив двери три высоких незанавешенных окна, сверху полукруглых, открывали вид на парк, погруженный в сумерки и резко контрастировавший с ярким, без абажуров и плафонов, светом в зале. Дора осмотрелась. Комната была со вкусом отделана панелями. Ее когда-то бело-розовые тона поблекли до цвета пыли, казавшегося и вовсе тусклым от резкого света. Это помещение, решила Дора, должно быть, служило в Имбер-Корте парадной гостиной или пиршественным залом, а теперь превращено было в молельню. Вся стена справа от Доры была забрана небесно-голубой занавесью, по центру высился простой крест светлого дуба. Под ним на возвышении стоял покрытый белым кружевом алтарь, на нем медное распятие. Подле него стоял старинный пюпитр, служивший аналоем. Мебели в комнате не было – только несколько рядов деревянных скамей и подушечки для моления. Кое-кто стоял уже на коленях. В комнате царила полная тишина. От необычности всей этой картины, пронизанной каким-то пронзительным трагизмом, у Доры перехватило дыхание.

Джеймс Тейпер Пейс перекрестился и стал на колени. Тоби опустил рядом с ним.

– Мы вас пристроим сзади, – прошептала миссис Марк и указала Полу и Доре на последний ряд. Сама она скользнула к своему, видно постоянному, месту впереди. Они пошли на указанные места, осторожно ступая по голому полу. Снова воцарилась тишина.

После минутного колебания Дора опустилась на колени рядом с Полом. В безмолвии слышала она, как сильно стучит ее сердце. Она высвободила руку из железной хватки Пола, когда они входили в дверь, и теперь решительно сложила руки на груди. Не желая подчиниться благочестивой обстановке, она запрокинула голову и обвела глазами комнату. Теперь она видела, что потолок к центру возвышается, превращаясь в круглый свод, зеленый купол которого она наверняка и видела с дороги. Изнутри он казался вовсе не таким большим. Взор Доры поблуждал среди фриз, чередовавших овалы со стрелами, среди розовых завитушек и лепных гирлянд, пока не вернулся к благочестивой картине внизу.

В первом ряду она увидела коленопреклоненного мужчину в черной сутане, должно быть священника, а около него, с неприятным для себя чувством, – бесформенную груду черных

одежд, это, поди, монахиня. За ними, рядом с Джеймсом и Тоби, стояли трое или четверо мужчин. Видна была и миссис Марк, она стояла выпрямившись, на голову у нее был наброшен свернутый косынкой носовой платок, который она, вероятно, успела накинуть при входе в зал. Темноволосая девушка, которую Дора мельком видела в холле, стояла дальше всех, закрыв лицо руками и низко склонившись. Ее голова была покрыта черным кружевным шарфом, из-под которого, блестя на ярком свете, проглядывал черный узел волос. Других женщин не было.

Кто-то вдруг заговорил, и Дора виновато вздрогнула. Она прислушалась, но не поняла, о чем говорят. Говорил, похоже, стоявший впереди священник. Вслушавшись, Дора поняла, что это латынь. Дора была встревожена и возмущена. Утратив веру, она сохранила предрассудки. Приглушенные голоса вдруг окружили ее, начался диалог священника и общины. Дора искоса глянула на Пола. Тот стоял, распрямив плечи и сложив перед собой руки, и смотрел вверх – на крест. Вид у него был торжественный и какой-то величавый, как это часто бывало у него, когда он задумывался о работе, и редко, когда думал о жене. Доре было интересно: неужто мысли его, к счастью, обратились к чему-то высокому или просто религиозная обстановка отвлекла его на какое-то время. Не забыть бы спросить его, когда он будет в хорошем расположении духа, верит он в Бога или нет. Глупо до сих пор этого не знать.

Вдруг Дора заметила, что монахиня из первого ряда обернулась и смотрит на нее. Монахиня была довольно молодая, широколицая, румяная, с пронзительным взглядом. С бесстрастностью, обычной для тех, кто посвятил себя благочестию, она какое-то время без тени улыбки созерцала Дору. Потом отвернулась и что-то прошептала через плечо миссис Марк, которая стояла за ней. Миссис Марк тоже обернулась и посмотрела на Дору. От смята Дора сделалась пунцовой. Со смирением человека, ни разу в жизни не спасавшегося бегством, Дора смотрела, как миссис Марк подымается и на цыпочках, обходя скамейки, крадется к ней, наклоняется к ее плечу. Дора вся изогнулась, силясь расслышать, что шепчет ей на ухо миссис Марк.

– Что-что? – переспросила Дора куда громче, чем намеревалась.

– Сестра Урсула просит – не покроете ли вы чем-нибудь голову? Здесь так принято.

– У меня с собой ничего нет, – ответила Дора, готовая уже расплакаться от досады и неловкости.

– Можно и носовым платком, – прошептала миссис Марк и ободряюще улыбнулась.

Дора пошарила в кармане, обнаружила маленький, не первой свежести носовой платок и прикрыла им макушку. Миссис Марк удалилась на цыпочках, а монахиня еще раз обернулась и удовлетворенно посмотрела на Дору.

Вся красная, Дора уставилась прямо перед собой. Она заметила краешком глаза, что выражение лица у Пола изменилось, но не смела к нему повернуться. Она стиснула руками спинку стоявшей впереди скамьи. Латинское бормотание продолжалось. Дора вдруг почувствовала, что юбка невыносимо жмет, что на одном чулке медленно сползает петля. Ноги гудели, и ей вдруг пришло в голову, что в туфлях на высоких каблуках неудобно стоять на коленях. Она начала рассеянно осматривать комнату и никак не могла принять ее за храм Божий. Это была жалкая, обшарпанная, запущенная гостиная, давшая приют чужому обряду – зловещему и одновременно нелепому. Дора глубоко вздохнула и поднялась с колен. Стащила с головы идиотский носовой платок, спокойно прошествовала к двери и вышла.

Она оказалась в незнакомом коридоре, но, заглянув поочередно в несколько дверей, обнаружила наконец выложенный каменными плитами холл, выходивший на балкон. Она прислушалась – не гонятся ли за ней, но все было тихо. Холл был просторный, без всяких украшений: ни цветов, ни картин. Открытый камин с резной каменной полкой был чисто выметен и засыпан горкой коричневых шишек. Зеленый листок расписания оповещал о времени трапез и служб, а также о том, что вскоре состоится прослушивание пластинок Баха. Дора заспешила прочь и через высокие двери прошла на балкон.

Она облокотилась на балюстраду между пилонами и стала глядеть вниз, через площадку, на озеро. Солнце зашло, но справа от нее, на западе, небо еще полыхало оранжевым заревом в редких перьях бледных облаков, и на фоне его черным контуром прорисовывались деревья. Вдали виднелся силуэт башни, принадлежавшей, по всей видимости, монастырю. Озеро тоже светилось мягким светом; посинев до черноты, оно кое-где хранило еще слегка фосфоресцирующие отблески. Дора пошла вниз по ступеням.

Она миновала площадку, спустилась еще по одному маршу пологих ступеней. Там она задержалась на минутку – очень ныли ноги. Сняла одну туфлю, потеряла ступню. Босой ногой стало настолько лучше, что Дора скинула и вторую туфлю. Та отлетела к лестнице и плюхнулась в густую траву. Дора швырнула ей вслед первую и побежала к озеру. Сухие ступени еще хранили дневную теплынь. Трава на тропинке меж вязами была примята, на ней уже проступила роса.

У поросшей камышом кромки воды оказались деревянные мостки, к ним была привязана лодочка. У нее был такой заманчивый, соблазнительный вид, какой, впрочем, бывает у всех маленьких уютных лодочек. Дора обожала лодки, но они внушали ей и безотчетный страх – она ведь не умела плавать. Дора подавила в себе соблазн прыгнуть в лодку и заскользить по черной глади озера. Вместо этого она побрела вдоль берега. Высокая трава цеплялась за подол. Земля под ногами становилась сырой и топкой. Озеро резко забирало вправо, а Дора смутно догадывалась, что оно и с другой стороны окружает дом, отделяя его от монастыря. Дора стояла, вглядываясь поверх воды в темноту, и думала о том, что это первый миг покоя за весь день. Она постояла еще какое-то время, вслушиваясь в тишину.

Вдруг по другую сторону озера резко и отчетливо ударил колокол. С минуту он звонил настойчиво и гулко. Затем вновь воцарилась тишина. Звон слышно было так, будто звонарь стоял у кромки воды, за монастырской стеной, – так отчетлив был высокий, повелительный голос колокола. Дора повернула назад и быстро побежала к тропинке меж вязами. Колокол напугал ее. Она торопливо взбиралась по кособоку и о туфлях вспомнила, лишь когда ступила одной ногой на ступеньки. Бросилась шарить в высокой траве по обе стороны от ступеней. Проклятых туфель нигде не было. Она глянула вверх, на мрачную громаду дома, нависшую над ней в ночном небе. Снова начала беспомощно рыться в траве. Но было слишком темно и ничего не видно. В доме, где-то у балкона, зажегся свет. Дора отчаялась и поплелась вверх по усыпанной гравием площадке. Идти по камням было больно.

В комнату, где горел свет, можно было попасть прямо с балкона, с правой стороны, через двойные застекленные двери – их, похоже, также прорубили относительно недавно по инициативе все того же вандала, который похозяинничал внизу. В освещенной комнате Дора увидела много людей. Раздумывать времени не было, и она, прикрыв глаза ладонью, быстро переступила порог.

Кто-то схватил ее за руку и повел вглубь. Это была миссис Марк.

– Дора, бедняжка, жаль, что мы вас спугнули. Надеюсь, вы не заплутались в саду?

– Нет, но я потеряла туфли, – ответила Дора. Теперь она сразу почувствовала, какие у нее мокрые и ледяные ноги. Она инстинктивно подалась вперед и уселась на краешек стола. Вокруг столпились люди.

– Ты потеряла туфли? – неодобрительно спросил Пол. Он тоже подошел вместе со всеми и стоял теперь прямо против нее.

– Я сбросила их где-то около ступенек, там, у тропинки, а потом не смогла найти. – Дора была крайне довольна простотой такого объяснения.

Джеймс Тейпер Пейс выступил вперед и сказал:

– Надо организовать поиск! В группу войдут Тоби и я – мы ведь уже знакомы с миссис Гринфилд. Прихватим с собой фонарики. А миссис Марк тем временем всех ей представит.

– Я тоже пойду, – заявил Пол.

Дора знала, он всегда был уверен, что найдет любую вещь, которую она потеряла. И надеялась, что именно он, а не кто-то из этих двоих отыщет ее туфли. Это бы его ублажило.

Болтая холодными мокрыми ногами в рваных и грязных чулках, Дора сосредоточилась на единственном знакомом ей лице – миссис Марк. Все остальные стояли напротив и разглядывали ее. Она же не осмеливалась перевести взгляд – все было настолько ужасно, что ей стало наплевать, кто что видит и думает.

– Надо вас познакомить с нашей маленькой компанией, – сказала миссис Марк. – С Тоби мы уже всех познакомили.

Дора не сводила глаз с миссис Марк, отмечая теперь про себя, как румяно ее незнакомое с пудрой лицо, которое ухитряется быть и лоснящимся и нежно-пушистым одновременно, и как длинные, должно быть, ее белокурые косы, если их распустить. Миссис Марк была одета в голубую блузку с открытым воротом и коричневую хлопчатобумажную юбку, из-под которой выглядывали голые волосатые ноги в парусиновых туфлях.

– Это мистер Топглас, – представила миссис Марк. Доре поклонился высокий лысоватый мужчина в очках.

– А это Майкл Мид, наш руководитель.

Устало и застенчиво улыбнулся Доре долгоносый мужчина со светло-каштановыми взлохмаченными волосами и слишком близко поставленными голубыми глазами.

– А с бородкой – это Марк Стрэффорд.

Вперед с кивком шагнул здоровяк с густыми волосами, красновато-медной бородой и легкой саркастической улыбкой.

– Я мистер миссис Марк, вы понимаете, что я имею в виду, – сказал он.

– А это Пэтчуэй, наша гордость и опора в огородных делах.

На Дору угрюмо уставился грязноватый мужичок в ветхой шляпе, всем своим видом показывавший, что к обществу этому он не принадлежит и ничуть из-за этого не переживает.

– А это отец Боб Джойс, наш духовник. – Священник в рясе, только что вошедший в комнату, заспешил вперед и пожал Доре руку. Лицо у него было одутловатое, в глазах светилась вера. Он улыбнулся, показав темный от пломб рот, а потом вперил в нее такой испытующий взор, что у нее мурашки по спине забегали.

– А это сестра Урсула, имеющая право выходить за пределы монастыря, она наш добрый посредник в сношениях с монастырем.

Сестра Урсула приветливо улыбнулась Доре. У нее были темные брови дугой, и вид она имела начальственный. Дора почувствовала, что случая с носовым платком та ей ни за что не простит.

– Рады вас видеть здесь, – сказала сестра Урсула, – мы вспоминали о вас в своих молитвах.

Дора вспыхнула – не то от негодования, не то от смущения. Ей через силу удалось выдавить из себя улыбку.

– А это Кэтрин Фоли, наша маленькая святая, думаю, вы ее полюбите, как и все мы.

Дора повернулась и увидела ту самую интересную девушку с продолговатым лицом.

– Здравствуйте, – сказала Дора.

– Здравствуйте, – ответила Кэтрин Фоли.

Вовсе она и не такая красивая, с облегчением подумала Дора. В лице у Кэтрин было нечто робкое, отрешенное, и потому никак нельзя было сказать, что она блещет красотой. Мягкая, какая-то уклончивая улыбка. Большие холодные свинцово-серые глаза не выдержали Дориного взгляда. И все же Дора подспудно чувствовала таящуюся в ней опасность.

– Хотите вареное яйцо или еще чего-нибудь? – спросила миссис Марк. – Ужин у нас обычно в шесть, а после вечерни только молоко с печеньем. – Она показала на боковой столик, где стояли кружки и поднос с печеньем, так уж распорядился Питер Топглас.

Кольцо вокруг Доры разомкнулось. Майкл Мид разговаривал теперь с Марком Стрэффордом, нервно улыбаясь и показывая неровные зубы. Его длинные руки стремительно взмывали в прямо-таки египетских жестах.

– Хлеба с маслом не буду, – задумчиво говорил себе под нос Питер Топглас.

– Нет, не надо, спасибо, – сказала Дора, – я перекусила в поезде.

– Тогда молока?

– Нет-нет, спасибо, я ничего не буду, – ответила Дора. Она думала о бутылках с виски, они теперь, очевидно, уже в Южном Уэльсе.

В дверь ворвался Джеймс Тейпер Пейс и закричал:

– Победа! Тоби повезло!

Следом шествовал Тоби Гэш, держа в каждой руке по Дориной туфельке. Дойдя до Доры, он опустил глаза, его и без того пунцовые щеки вспыхнули еще ярче. Вручая Доре туфли в смущенном поклоне, Тоби продемонстрировал ей свою округлую макушку.

– О, Тоби, большое спасибо, – поблагодарила Дора.

В комнату вошел Пол с перекошенным от злобы лицом.

– Вы потрудились на славу, дорогие Джеймс и Тоби, – заключил отец Боб Джойс. – Так уж повелось – сильнее радуешься тому, что потерял и нашел, чем тому, что всегда имел при себе.

– А теперь, – сказал Джеймс, – коли туфли миссис Гринфилд нашлись, можно и на покой.

Глава 3

Пол с Дорой остались наедине.

– Этому блокноту цены нет, в нем годы моей работы, – выговаривал Доре Пол. – Надо же быть таким дураком – просить тебя его привезти.

– Я очень виновата, – оправдывалась Дора. – Он наверняка найдется. Я завтра же пойду на станцию.

– Надо было мне сразу туда позвонить, – сказал Пол, – только из-за твоих выкрутасов это совершенно выпало у меня из головы. Зачем, скажи на милость, тебе понадобилось снимать туфли?

– У меня ноги заболели, – ответила Дора. – Я же говорила.

Они стояли и смотрели друг на друга при слепящем электрическом свете. Комната Пола была на втором этаже, обоими окнами она глядела на монастырь. В свое время она служила парадной спальней, от той поры осталась зеленая обшивка и огромное зеркало в стене. Обстановка была скудная: две железные кровати, два непарных стула, большой чертежный стол, который Пол завалил книгами и бумагами, да миленький столик красного дерева, эдакий остаток бывлой роскоши. В углу стоял открытый полуразобранный чемодан Пола. На голом полу лежали два дешевеньких новеньких коврика. Слова в комнате отзывались гулким эхом.

Пол стоял подбоченясь и сверлил Дору взглядом. Он мог стоять так, насупившись, часами. Дору это всегда выводило из себя. Но в то же самое время она понимала: таково проявление его любви, неистощимой, безжалостной любви, которая держала ее в плену. Она и возмущалась этой любовью, и была ей бесконечно благодарна. Дора пересилила себя, подняла на Пола глаза и поняла, что по-прежнему преклоняется перед цельностью его натуры, отданной работе и любви, перед его уверенностью в жизни. И в сравнении с ним почувствовала себя ничтожной, ненастоящей, будто она была лишь порожденной им мыслью.

Чтобы вывести Пола из оцепенения, она подошла к нему и нежно тряхнула за плечи.

– Пол, ну не будь злоюкой...

Пол отступил, не откликнувшись на ее прикосновение.

– Только тебе может хватить ума – так гнусно мне изменить, а потом повиснуть на шее и сказать: «Ну не будь злоюкой!» – передразнил он ее и двинулся к чемодану, откуда, порывшись, вытащил чистенький несессер в черно-белую клетку.

– Ну а что мне прикажешь говорить? Что бы там ни было, я же приехала...

– Не намерен разделять приведенное только что отцом Бобом суждение, будто заблудшей овце, мол, надо радоваться более, чем незаблудшим. И если ты ждешь от меня выражения радости, то будешь разочарована. После всех своих выходов ты навсегда пала в моих глазах.

Он вышел из комнаты.

Дора, приуныв, заглянула в парусиновую дорожную сумку. Пижама осталась в чемодане, хорошо хоть зубная щетка здесь. Сказанное Полом глубоко ее уязвило. Да как он смеет так обращаться с ней – мало ли что было в прошлом?! Для Доры прошлое всегда было чем-то прозрачным. Ей как-то прежде в голову не приходило, что Пол может попрекать ее прошлым. Она отогнала от себя эту мысль, чтобы не расплакаться, и, подойдя к высокому окну, распахнула его настежь. Занавесок не было. Ночь стояла теплая, звездная. Озеро по эту сторону совсем близко подступало к дому. Видно его не было, но в рассеянном сиянии звезд и еще не поднявшейся луны угадывалась его темная гладь. Все прочие очертания лежали за озером.

В комнату вернулся Пол.

– У меня нет пижамы, – сказала Дора, – все в чемодане.

– Можешь надеть какую-нибудь мою рубашку, – отозвался Пол, – вот хоть эту, ее все равно пора стирать.

– Ты что – все рассказал про меня этим монашкам? – спросила Дора.

– Монахиням я ничего о тебе не говорил, – ответил Пол. – Остальным членам общины я вынужден был кое-что рассказать, и, коли лестного для тебя в этом рассказе маловато, едва ли в том моя вина.

– Они еще подумают, что их проклятые молитвы привели меня сюда.

– Я это место уважаю и тебе советую, – сказал Пол. Дора подумала, не спросить ли сейчас Пола – верит он в Бога или нет, но решила не спрашивать. Наверняка верит. Вместо этого она сказала:

– Что поделать – прошлого не отменишь. – Пол снова вперил в нее свой тяжелый взгляд.

– Можешь оставить при себе свои легкомысленные заверения. Я бы на твоём месте помалкивал о раскаянии – вот уж на что, по-моему, ты совсем не способна.

Резкий колокольный звон пробежал над водой и ринулся в распахнутое окно. Дора так и подпрыгнула.

– Опять этот колокол! – воскликнула она. – Что это?

– Колокол в монастыре звонит к разным службам. Сейчас он звонит к Laud⁷, а по утрам к Prime⁸. Скоро монастырь получит новый колокол, – добавил он.

Оба начали раздеваться.

– О монастырском колоколе есть легенда. Я ее обнаружил в одной из рукописей. Ты, я думаю, это оценишь, – обронил Пол.

– Что за легенда? – спросила Дора.

– Монастырь этот, знаешь ли, заложен очень-очень давно. Здесь с XII века обосновались монахини-бенедиктинки. Теперешний монастырь, ясное дело, англиканский, но он остается бенедиктинским. Где-то веке в XIV, как гласит предание, во всяком случае, до Реформации, у одной из монахинь завелся любовник. По тем временам, осмелюсь заметить, это был не такой уж из ряда вон выходящий случай, но орден этот, видно, имел особенно строгий устав. Кто эта монахиня, было неизвестно, замечен был только раза два молодой человек, когда тот карабкался по стене, и в конце концов он свернул себе шею. Стена – она, кстати говоря, сохранилась – очень высокая.

Настоятельница не раз взывала к согрешившей монахине, дабы та покалась, но никто не сознавался. Тогда призвали епископа. Епископ, исключительной святости и благодати человек, также потребовал, чтобы грешница на исповеди признала свой грех. Когда же вновь никто не открылся, епископ проклинал монастырь. И тогда, как пишет летописец, огромный колокол «птицей вспорхнул с башни и рухнул в озеро».

– О господи! – вырвалось у Доры.

– Погоди, это еще не конец. Согрешившая монахиня была так потрясена этим зрелищем, что немедленно выбежала из монастырских ворот и утопилась в озере.

– Бедняжка! – воскликнула Дора.

– Ты, конечно же, отождествляешь себя с этой безбожницей, – съязвил Пол.

– Ее, верно, силком отдали в монастырь, – сказала Дора. – В ту пору такое случалось.

– Она нарушила свой обет, – сказал Пол.

– Неужели это правда?

– В таких легендах всегда есть доля истины. Упоминания о здешнем знаменитом колоколе встречаются, только вот что с ним случилось – неизвестно. Отлит он был великим мастером из Глостера – Хью Белиэтром, его звали еще Большой Литейщик. Колокол славился своим замечательно чистым тоном и еще тем, что мог ограждать от напастей и злых духов. Был на нем, кстати, и орнамент – сцены из жизни Христовой, что само по себе редкость. Если колокол

⁷ Совместной молитве (здесь и далее упоминаются службы католической и англиканской церквей).

⁸ Службе, совершаемой в шесть утра или с восходом солнца.

обнаружат, интерес к нему будет огромный. Может, его и впрямь сбросили в озеро во времена Реформации – либо те, кто громил монастырь, либо – что более вероятно – сами монахини, дабы спасти его. Металл для литья был очень дорог. Кажется, кто-то разок проходилась драгой по дну, да ничего не обнаружил. И еще, у колокола было имя – Габриель.

– У него было имя! – воскликнула Дора. – Вот здорово! Но как монахиню жалко. А ее привидение не появлялось в этих местах?

– Об этом упоминаний нет, – ответил Пол, – но есть предание, будто колокол порой звонит со дна озера и тому, кто его услышал, звон предвещает смерть.

Дора вздрогнула. Она все с себя сняла и натягивала через голову рубашку Пола.

– Ты кому-нибудь еще рассказывал эту историю? – спросила она.

– Нет, не рассказывал. Впрочем, постой, вроде бы я рассказывал ее Кэтрин.

Он забрался в постель.

На Дору накатило неприятное чувство. Она пошла к окну, высунулась из него и глянула по сторонам. Луна уже взошла, и озеро лежало как на ладони; не то его шевелил серебристой рябью бриз, не то ночная мошкара над ним мелькала. Тягучий, благоуханный воздух струился в комнату. Теперь Дора более отчетливо видела открывающуюся из окна картину: мрачная громада монастырской стены в изломах света и тьмы; склоненные перед тусклым сиянием округлые макушки деревьев; длинные необычные тени, которые отбрасывали растущие на траве под окнами деревья и кусты. Чуть левее она обнаружила нечто вроде невысокой дамбы, та несколькими арками перехватывала озеро в узкой его части, соединяя ближний берег с монастырской стеной. И тут, обмерев от ужаса, Дора заметила неподвижную темную фигуру у кромки воды.

Сердце у Доры, пока она смотрела вниз, бешено колотилось, она едва не закричала. Но фигура вдруг тронулась с места, и через мгновение стало ясно, кто это. По берегу озера брел Тоби Гэш. Шел себе, с размаху пиная высокую траву. Даже слышно было, как та шелестит у него под ногами. Не упуская Тоби из виду, Дора слегка отпрянула от окна. Дабы Пол не заметил, что она за кем-то наблюдает, она спросила:

– А что, они должны получить новый колокол?

– Да, – ответил Пол, – для них сейчас отливают теноровый колокол, он предназначен для башни. Может, его привезут до нашего отъезда. Работы у меня тут еще недели на две.

Дора видела, что Тоби повернул назад. Вдруг он вскинул руки и потянулся всем телом. В этот миг он для Доры олицетворял свободу. Смотреть на это было невыносимо, и она отвернулась от окна.

Пол неотрывно смотрел на нее. Он сидел в постели с книгой в руках.

Дора с враждебностью глянула на него.

– Ужасное предание. Любишь ты рассказывать мне жуткие истории. Вроде тех гадостей Мопассана про собак, которые как-то заставил меня читать тебе вслух.

Пол не спускал с Доры глаз. Чутье говорило Доре: рассказывая ей это предание, он давал волю дотоле дремавшей в нем страсти. Дикость истории передалась ему, и он жаждал ее любви. Она смотрела на Пола, ощущая и возбуждение и омерзение.

– Поди сюда, Дора, – сказал Пол.

– Сейчас, – ответила Дора.

Отвернувшись от Пола, она взглянула на свое отражение в высоком зеркале. Босая, в одной лишь рубашке Пола с закатанными рукавами и широко распахнутым воротом. Рубашка доставала ей до бедер, оставляя открытыми длинные, стройные ноги. Дора удивленно рассматривала стоявшую перед ней особу. Она любовалась жизнью, которая так и билась в ее загорелой шее, любовалась буйством волос, прядями падавших на плечи. Она откинула назад голову и глянула в дерзкие глаза. В них был вызов. Дора стояла и смотрела на особу, которая была абсолютно незнакома Полу. Как явственно все-таки она существует. Она, Дора, и никому ее не сокрушить.

- Ну иди же, Дора, – вновь позвал Пол.
- Иду, – сказала Дора, выключила свет и прошествовала к его постели.

Глава 4

Всходила луна. Тоби Гэш, стоя почти что в воде, смотрел через озеро на стену монастыря. Позади, в большом доме, загорелись огни. Он ждал, пока его отведут туда, где он будет ночевать. С некоторым разочарованием он узнал, что жить будет не в самом Имбер-Корте, а в сторожке, с еще одним членом общины, которого пока не видел. Тоби предпочел бы остаться вместе со всеми в этом чудесном доме. Его смущала предстоящая встреча и пугала перспектива остаться один на один неизвестно с кем.

Тоби, чьи родители жили в северной части Лондона, закончил обычную, а не закрытую частную, школу, отчего страдал некоторым комплексом неполноценности и имел весьма романтические представления о жизни в коллективе. Когда Джеймс Тейпер Пейс, знакомый с одним из его школьных преподавателей, зашел в школу для вручения адреса хоровой капелле и обмолвился про Имбер, Тоби загорелся желанием съездить туда. С первого, совсем еще недавнего, причастия он был ревностным христианином и жаждал посвятить себя Богу, хотя и не решил, как именно. Его сильно впечатлила идея хотя бы недолго пожить и поработать рядом с праведниками, которые оставили этот мир. Община в Имбере собралась не так давно и пребывала пока в стадии становления, она обрабатывала землю, возделывая небольшой сад – для нужд монастыря и отчасти для продажи. Тоби до глубины души был тронут чистотой, простотой и беспорочностью самого замысла подобной жизни. Опытном общении со священнослужителями он был небогат и быстро зажегся новой на его жизненном горизонте и несколько театральной идеей монашеского существования. Пребывал он и под сильным впечатлением от личности Джеймса Тейпера Пейса, в котором удивительным образом сочетались мужская напористость и христианское смирение.

Тоби направил прошение о посещении Имбера. К величайшей своей радости, он получил ответ – можно приехать и поработать там в последний месяц летних каникул, перед началом учебы в Оксфорде, куда ему следовало явиться в октябре на инженерный факультет. Воображение заранее рисовало картины небывалой сплоченности братства, в которое он мигом вольется – смиренный, трудолюбивый, на всю грядущую жизнь умудренный примером этих праведников. И потому он был несколько обескуражен, когда узнал, что жить будет все-таки отдельно, но разочарование быстро поглотила пылкая жизнерадостность. Это было нетрудно: в нем так и били через край веселый задор и радостное предвкушение событий.

Скоро он снова вернется в дом. Майкл Мид просил его немного подождать, пока кто-нибудь не освободится и не проводит его до сторожки. Чтобы как-то сориентироваться, он попытался при лунном свете оглядеть окрестности. Где-то за домом должен быть сад. Для Тоби, как для всякого горожанина, все, связанное с деревней, было исполнено глубочайшего, если не сказать – мистического, смысла. Солнца, ветра, тяжелой физической работы, тесного общения с людьми – вот чего ему, по-видимому, всегда не доставало. Дай ему сейчас в руки лопату и вели вскопать целое поле – он будет чувствовать себя на седьмом небе. Тоби вскинул руки над головой, потянулся всем телом, пробуя его на гибкость. Тоби вспомнилось, как кто-то ему говорил, будто никому не дано вовремя оценить чудо молодости. Что до него, так это неверно. Ему выпало счастье сознавать свою молодость, всякий миг наслаждаться ею – вот как сейчас, когда он, как губка, впитывает в себя острые ощущения.

Он глянул на другую сторону озера. Пробежал глазами по монастырской стене, забиравшей вправо, где она, похоже, оканчивалась, а может, и скрывалась за деревьями. По левую руку виднелась старая кирпичная дамба через озеро да темная дыра монастырских ворот зияла под огромной аркой. При лунном свете высокая стена имела призрачный и в то же время живой, настороженный вид – какой по ночам бывает у всякого уединенного жилища. Лондонцу Тоби лунный свет был непривычен, он дивился этому свету, который и не свет вовсе, он рождает

картины, напоминающие о привидениях, и сила его чувствуется лишь в резкой игре светотени. Тоби изучающе ощупал взглядом стену. За ней было тихо, но он-то знал – монастырь всегда бодрствует. Интересно, какие у монастыря отношения с Кортм. Про себя он решил, что монахи принадлежат к предельно закрытому бенедиктинскому ордену, имеют крайне ограниченные связи с внешним миром, и, хотя был безмерно любопытен, расспрашивать ни о чем не стал из боязни обнаружить свое невежество.

Пора бы и вернуться – при этой мысли ему снова стало не по себе. Он мысленно подытожил день. Поначалу он страшился остаться с глазу на глаз с Джеймсом Тейпером Пейсом, но вроде бы не ударил в грязь лицом. Ладить с Джеймсом оказалось легко и просто. Он все больше восхищался этим человеком. Тоби был в том возрасте, когда необходимо кем-то восхищаться, а в данном случае восхищение его Джеймсом не знало границ. В отношении Майкла Мида, которого он так жаждал увидеть, Тоби как-то не определился. Тоби был несколько разочарован внешностью Майкла. Была в том некая усталость, худосочность, ему явно недоставало мужественности Джеймса, и на роль наставника он явно не тянул. Отчасти разочаровало Тоби и то, что в общине оказались женщины. Что-то тут не так. Правда, все были на редкость славными. Кроме доктора Гринфилда – от того просто с души воротит. (Выражение это Тоби узнал недавно в школе и не мог тут не ввернуть его.) Чудно получилось – как это им довелось сидеть в поезде напротив его жены. Жена у него, конечно, не такая красавица, как Кэтрин Фоли, но ужасно хорошенькая и такая озорная. Тоби кольнуло чувство стыда – отчасти за нее, а отчасти и за себя. Муж, похоже, не больно-то рад ее видеть. Впрочем, поведение супругов вещь непостижимая. И что бы там ни писал Толстой в первой фразе «Анны Карениной», счастливый брак понять так же трудно, как и несчастный. Последнее время Тоби стал смутно это ощущать, и эта новая открывшаяся ему истина наполнила его сознанием собственной искушенности. Он повернул к дому.

К озеру Тоби спустился по ступенькам, прошелся по берегу к тому месту, где озеро излучиной отделяло дом от монастыря. Став лицом к дому, он увидел в первом этаже большое освещенное окно. Окно было в каменном выступе, и, когда Тоби подошел ближе, он разглядел прямоугольный выступ из булыжника и боковую дверцу. В прежние времена это было помещение для слуг, решил он, а ярко освещенная комнатка, наверное, кухня. За Тоби водилась страстишка выслеживать и подглядывать, и тут его будто что-то толкнуло: он тихонько, крадучись по булыжнику и стараясь держаться в тени, вплотную подобрался к окошку. Он оказался прав, это была кухня, огромная старая кухня с грубо белеными стенами и гигантским очагом, место которого заняла теперь плита. Она, по всей видимости, горела – из окна накатывали горячие волны, ощутимые даже в ночной теплыни.

В поле зрения показался мужчина. Это был Майкл Мид, в фартуке в бело-голубую полосочку. Фартук этот совсем доконал Тоби. Но когда он увидел, что Майкл ставит чашки с блюдами в высокий деревянный буфет, в нем заговорила совесть. Надо же, он забыл предложить вымыть посуду. В этот миг дверь в кухню отворилась, и вошел Джеймс Тейпер Пейс.

– А где сейчас Тоби? – спросил Майкл.

– На балконе, – ответил Джеймс. Тоби затаил дыхание.

– Вы его отведете? – спросил Майкл.

– Лучше бы это сделать вам, – ответил Джеймс. – Вы ведь знаете, как я отношусь ко всей этой затее.

– Простите, Джеймс, надо бы, конечно, посоветоваться с вами, – сказал Майкл, – но вся прошедшая неделя была такая суматошная – у меня это как-то выскочило из головы. Думаю, в любом случае попробовать стоит. Погоды это не делает. Не понравится там Тоби, неприятен будет ему Ник, мы его тут же переведем в дом. Но, уверен, все будет в порядке. И знай я, что рядом с Ником кто-то есть, у меня бы отлегло от сердца.

– А отчего кому-нибудь из нас не пожить там и не приглядеть за Ником? – спросил Джеймс.

– Именно по этой причине, – ответил Майкл, – он же тогда будет знать, что за ним приглядывают. А пошли мы Тоби, Ник будет чувствовать, что на него возложена ответственность за мальчика.

– Уж больно хорошо вы, право слово, думаете о Нике, – сказал Джеймс. – Повидали бы с мое этих типов, были бы осторожнее.

– Не больно-то хорошо я о нем думаю, – заметил Майкл. – Даже отнюдь не хорошо, но я действительно знаю его лучше вас. Он, думаю, просто запутался. Меня пугает его меланхолия – вот и все.

– Меня его меланхолия не пугает, – сказал Джеймс. – Меня пугает его способность творить зло. Чем больше я об этом думаю, Майкл, тем сильнее крепнет во мне уверенность: зря мы его все-таки приняли. Знаю, как чувствуешь себя в подобной ситуации, потому и согласился тогда с вами, точнее, позволил себя уговорить. Допускаю – могу не понимать, что у него творится в душе. Но не так все просто – в той грязной истории. Сомневаюсь, что от нас ему будет какой-то прок, а уж он-то нам может ох как навредить...

– Как бы то ни было, мы его взяли, – сказал Майкл, – и в радости, и в горе он будет с нами, и выставить его мы не можем, особенно теперь, из-за Кэтрин.

– Знаю, знаю, – согласился Джеймс. – В том-то вся и загвоздка. Право слово, хотелось бы мне иметь вашу веру. Знаю, вера в людей, вернее, вера в людей творит чудеса. А здесь только на чудо и можно надеяться. И все же, рассуждая с обыденной точки зрения, я бы Тоби оставил дома. Ведь и на нас тоже, знаете ли, возложена ответственность за него.

– Да ничего с ним не случится, – возразил Майкл. – У него своя голова на плечах. Мне он, кстати, очень понравился, вы были совершенно правы. Такая непорочность его от любой заразы оградит. К тому же он станет много работать и в сторожке-то бывать будет мало, зато поможет завязать контакт с Ником, чего мы никак не можем добиться вот уже столько времени.

Тоби начал потихоньку отступать. Ступив с булыжной отмостки на траву, он бегом пустился к дому. Трава была высокой, приходилось нестись вскачь. Он убеждал себя, что не производит слишком много шума. Домчавшись до площадки, он, переводя дух, перешел на шаг и медленно побрел по гравию, потом поднялся по ступенькам на балкон. В холле и гостиной все еще горел свет и двери были распахнуты, хотя там, похоже, никого не было. Тоби замер на балконе. Его раздирали сомнения. Его выбило из колеи и то, что он подслушал, и то, что он подслушивал. Простоты и умильной чистоты былых представлений о жизни общины как не бывало. Житье в сторожке теперь сильно тревожило его. С другой стороны, он был польщен доверием, которое ему оказывали, и взволнован предчувствием приключений. Мысли его были в полном смятении.

Не успел он пуститься в разного рода предположения, как на балкон легла тень из гостиной и появился Майкл Мид. Тоби ступил в полосу света.

– А, вот ты где! – сказал Майкл. – Извини, что заставили тебя ждать. Сейчас же отправимся в сторожку, если не возражаешь. Чемодан при тебе?

– Он здесь, – ответил Тоби и вытащил его из-за двери.

– Справишься? А то давай возьму за другую ручку.

Они спустились по лестнице, пересекли площадку и двинулись по тропинке меж вязами. Майкл ступал легко, поглядывая искоса на своего спутника.

– Будем переправляться на лодке, – сказал он. – По дамбе мы только в монастырь ходим.

Они ступили на деревянные мостки, шаги их эхом отзывались меж досками и плещущейся водой. Майкл поставил чемодан в лодку. Луна сияла прямо над ними.

– А как вернуть лодку после переправы? – спросил Тоби и поймал себя на том, что говорит еле слышно.

– К носу и корме привязан канат, – ответил Майкл, – он крепится к обоим берегам, так что лодку можно перетягивать с одного берега на другой. Вот сейчас я закреплю канат и можешь прыгать.

Тоби шагнул в качающуюся на воде лодку и сразу сел. Ему смертельно хотелось погрести, но он смолчал. Бездонное ночное небо, усыпанное звездами, лунные блики, громада высящегося позади дома, всплески воды – все это наполнило его душу невыразимым щемящим восторгом.

Майкл ступил в лодку и резко оттолкнул ее от берега, поднял единственное весло, лежавшее на сиденье, вставил его в уключину на корме и умело заработал им. Лодка тихо тронулась и заскользила с легким скрипом по недвижной озерной глади, которая лишь слегка морщилась, пропуская их, – черная, лоснящаяся. Тоби опустил руку в воду. Теплая.

– Все в порядке, Тоби? – спросил Майкл.

– О да! – с неожиданным воодушевлением ответил Тоби на этот ничего не значащий вопрос. Он видел, как Майкл глянул на него сверху, и поймал на его лице тень улыбки. Затем Майкл высвободил весло и бросил его на дно. Лодка мягко ткнулась носом в мостки противоположного берега. Тоби выпрыгнул из лодки, вытащил чемодан. Потом выпрыгнул Майкл, и лодка закачалась на воде.

Поросшая травой дорожка вела прямо, и Тоби смутно различал впереди аллею. Прямо у озера запела какая-то птица. Не соловей.

– Надеюсь, ты не против пожить в сторожке, – заговорил Майкл. – Во время трапез и всех работ будешь с нами, ну и вообще... Джеймс, наверно, все объяснил тебе. Тут только ночевать придется.

– Я вовсе не против, – ответил Тоби. Его начали мучить сомнения: должен он признаться Майклу в том, что подслушал их разговор с Джеймсом, или нет. Может, утаивать это нечестно? Он толком не знал.

Тем временем Майкл продолжал:

– Уверен, ты поладишь с Ником Фоли. Может, он временами покажется букой. У него была тяжелая жизнь. Такое соседство и его приободрит, немного приведет в норму.

– Ник Фоли!

– Да, брат Кэтрин Фоли. Они вообще-то двойняшки. А Джеймс разве не говорил тебе? Ты уж прости нас, недотеп. Смотришь, поди, на нас и думаешь: что за скопище чудаков...

От сообщения о том, что соседом по сторожке у него будет брат Кэтрин, Тоби почему-то стало не по себе. Он украдкой искоса глянул на Майкла, но лица его не увидел. Майклу, похоже, тоже было не по себе. Он был в явном замешательстве. А может, он вообще такой скованный, и потому с ним не так легко, как с Джеймсом. Тоби чувствовал, что совершенно сбит с толку. Предвкушение приключений куда-то улетучилось, осталась только тревога. Он шагнул с травы на мощеную дорогу.

– Вот мы и вышли на дорогу, – сказал Майкл. – Ты, верно, все еще днем заприметил. От входа сюда тянется аллея, она загораживает с шоссе дом, а дорога ведет вокруг озера. До дома отсюда неблизко – больше мили.

К сторожке они добрались молча. В одном из окон Тоби увидел свет. Залаяла собака.

– Это собака Ника, Мерфи, – сказал Майкл Мид. – Мерфи пес с характером.

Майкл явно нервничал.

– Я обожаю собак, – бездумно заметил Тоби, тоже занервничав.

– Ник занимался аэродинамикой, – продолжал Майкл. – Он прекрасно разбирается в моторах. Он у нас как бы инженер по транспорту... Будешь у него подмастерьем. Я очень надеюсь, Тоби, что тебе здесь понравится, – добавил он, оглянувшись на Тоби, когда они уже подходили к сторожке. – Мы все так рады, что ты смог сюда приехать.

Они поднялись на крыльцо. Дверного молотка не было, Майкл с силой стукнул кулаком по деревянной двери – повелительный, гулкий звук. Лай усилился, Майкл не спеша распахнул дверь и вошел. Тоби последовал за ним.

Он прикрыл глаза рукой. В Имбере такие яркие лампочки. Дверь вела прямо в комнату, предположительно гостиную. Прищурившись, Тоби увидел большую печь, два провисших плетеных кресла, необъятный сосновый стол, радиоприемник и множество разбросанных по полу газет. Неприятно пахло чем-то тухлым. Лаяла, прыгая вокруг них, собака. Из-за стола поднялся мужчина и глянул на Майкла.

– Ба! Начальство собственной персоной, – протянул Ник Фоли. – Не ждал. Не часто нас удостоивают визитом. Благодарствуйте.

– Я привел Тоби, – сказал Майкл, силясь перекрыть залиvistый лай.

– Мерфи, заткнись! – крикнул Ник. – Заткнись, говорю!

Мерфи был какой-то разновидностью терьера, ржаво-коричневой масти, с белой грудкой и умненькой обезьяньей мордочкой. Длинный, вислый, землистого цвета хвост казался не от него приставленным. Замолкнув, он стал подле Тоби – лапы напряжены, шерсть дыбом – и взирал на него с непостижимой враждебностью. К длинным клыкам стянулись темные брылы ошеренной нижней челюсти. Тоби глядел на него в замешательстве.

– Ах, вы привели сюда Тоби... Весьма любезно с вашей стороны, – сказал Ник.

Тоби украдкой поглядел на Ника. И сразу был ошарашен абсолютным сходством с Кэтрин. То же продолговатое, чуть тяжеловатое лицо; свинцовые осоловелые веки; путаное кружево черных вьющихся волос над высоким лбом и загадочное выражение лица. Только у Ника были морщинки вокруг глаз, и те, в красных дужках, слезились, как от долгого смеха; это да еще опавшие щеки делали его похожим на ищейку. У Ника был крупный, испещренный тонкими красными прожилками нос. Весь он казался каким-то засаленным и чересчур обросшим. И все же была в нем настоящая красота и даже смутное напоминание о той утонченной одухотворенности, которой так безжизненно и дивно дышала красота его сестры.

Ник оказался куда моложе, чем ожидал Тоби, но вид имел страшно изнуренный. Тоби, чье воображение уже нацелилось на Ника, немедленно решил про себя, что он пьяница. Это вполне вписывалось в тот многозначительный разговор, который подслушал Тоби. Новая жизненная умудренность подсказывала Тоби, что пьяницы бывают самые разные. Бывают же симпатичные пьяницы. Ник, похоже, из их числа, и Тоби решил, что Ник ему должен понравиться. В тот же миг он увидел на столе бутылку с виски, что как бы подтверждало его догадки.

Ник с Майклом всё смотрели друг на друга. Майкл, похоже, так и не оправился от смущения.

– Я все же надеюсь, – сказал он, – что вам наскучило есть тут в одиночку. Хотелось бы хоть изредка видеть вас в доме, за трапезой.

Он изучающе пробежал глазами по столу. Обьедки на дальнем краю выглядели отнюдь не аппетитно.

– Это ужин для Мерфи, – пояснил Ник, – я как раз собирался его покормить. Ну, песик, настал твой черед.

Он свалил еду с тарелки прямо на пол, на одну из газет. Прочие газеты явно служили той же цели. Мерфи отвлекся от сосредоточенного созерцания Тоби и с шумом навалился на еду.

– С миссис Марк случился бы припадок, доведись ей присутствовать при этой сцене, – проронил Майкл.

– Она критиканша, как и всякая женщина, – ответил Ник.

Смотреть друг другу в глаза им было явно тягостно.

– Кстати, она приготовила для Тоби комнату? – спросил Майкл.

– Чем-то она занималась наверху – наверно, как раз этим. Торчала здесь бессовестно долго, – ответил Ник. – Выпьем? – Он взялся за бутылку.

- Нет-нет, благодарю, пора идти. Я ведь пришел только устроить Тоби, – сказал Майкл.
- Тогда не надо, тогда идите...

Майкл медлил, глаза его блуждали по комнате. Чувствовалось, он понимает, что разговор не клеится.

– Ну как там моя сестрица, причислена к лику святых? – спросил Ник, которому, похоже, тоже хотелось оттянуть прощание.

– Она – прекрасно, очень счастлива, – ответил Майкл.

– Когда мне о ком-то говорят, что он, мол, счастлив, я знаю – это не так. Об истинно счастливых людях этого никогда не говорят. Как считаешь, а, Тоби?

Тоби нервно вздрогнул от неожиданного вопроса – он уже настроился на роль наблюдателя.

– Не знаю, – сказал он.

– Тоби не знает, – вздохнул Ник. – Возвратилась ли блудная жена?

– Миссис Гринфилд приехала, – ответил Майкл. – Ну, надеюсь чаще видеть вас в доме.

Мне пора.

– Так верны слову...

– Приглядите тут за Тоби.

Ник рассмеялся, отчего вдруг сделался очень симпатичным, церемонно распахнул дверь перед Майклом. Неуклюже помахав рукой, тот скрылся в темноте.

– Нестойкий, – пробормотал ему вслед Ник. – Нестойкий, о господи!

Он обернулся к Тоби.

– Думаю, вам самое время отправиться в постель, молодой человек. Они наверняка накаляли встать в умопомрачительную рань. Да и за один день повидать столько полоумных в вашем возрасте, должно быть, крайне утомительно.

– Да, я устал, – сказал Тоби. – Пойду-ка наверх.

Он твердо смотрел Нику в глаза, решив во что бы то ни стало не показать, что нервничает.

– Да-да, наверх, – протянул Ник. Он развернулся к Мерфи, который прикончил ужин и теперь стоял в раздумье. – Наверх! Ап! – скомандовал он псу. Мерфи мгновенно подскочил и прыгнул. Ник подхватил его и прижал к груди. Из-за плеча выглянули улыбающаяся пасть и лапки. – Великое дело собака, – заметил Ник. – Ее можно научить себя любить.

Он перегнулся через стол, ухватился за горлышко бутылки и медленно двинулся прочь из комнаты. Тоби вслед за ним. Ник, все еще в обнимку с собакой, тяжело поднялся по лестнице на маленькую площадку, на которую выходили три двери.

– Ванная, – кивнул Ник. – Тут моя комната, там ваша. Он толкнул дверь ногой и локтем включил свет.

Тоби увидел аккуратную чистенькую комнату, металлическую кровать с белым покрывалом, камышовые циновки на полу, белый крашенный комод, растворенное настежь окно. Едва они вошли, на них потянуло теплым, благоухающим цветами ночным воздухом.

– Хорошо тут, наверху, правда? – спросил Ник. Он зарылся лицом в собачью шерсть.

Смутившись, Тоби ответил:

– Спасибо большое. Мне тут будет прекрасно.

– Выпьем по маленькой? – предложил Ник. – Стаканчик виски пополам с водой на ночь, а?

– Я совсем не пью, спасибо большое, – отказался Тоби.

– Ну-ну... Надо бы научить... помогло бы от сквозняков церковных...

Он спустил Мерфи на пол. Пес начал скакать, дергать за штанину, просясь снова на руки.

– Вот что, оставлю-ка я Мерфи, – сказал Ник. – С одеялами тут туговато. Он хоть ноги согревает на рассвете. Что может быть лучше собаки в постели. Останешься здесь! – обратился он к Мерфи.

– Спасибо, – сказал Тоби. Он прекрасно обошелся бы и без Мерфи, от него уже с души воротит. – Все очень хорошо. – Он сел на кровать. Сил больше не было, смертельно хотелось остаться наконец одному.

Ник остановился в дверях, глянул на него.

– Прежде чем уйти, скажу кое-что забавное. Вас сюда посадили следить за мной. – Он улыбнулся, опять став симпатичнее и моложе.

Тоби тоже улыбнулся, не зная, что ответить.

– Ну-ну – разве не все мы сторожа ближних своих? – сказал Ник. – Дверь не закрывайте, вдруг Мерфи захочется ночью выйти. Доброй ночи.

Ник скрылся за дверью, оставив ее открытой.

Тоби так за день вымотался, что вдаваться в изумленные размышления был не в силах. Он быстро сходил в ванную, вернулся и застал у кровати Мерфи. Обезьянья умная мордочка напряженно застыла, это смахивало на прелюдию атаки. Надо бы наладить с ним отношения, подумал Тоби и, примирительно протягивая руку, сказал:

– Мерфи, хороший песик...

Мерфи внял, задумчиво лизнул руку, глянув на Тоби из-под ресниц, чересчур длинных для пса. Тоби вспомнилось, что и у хозяина Мерфи ресницы чересчур длинные для мужчины.

Тоби посмотрел на полуоткрытую дверь. На площадке темно, в доме ни звука. Тоби хотелось бы помолиться. Он стал на колени, застенчиво кося глазом на дверь, но не мог собраться с мыслями. Он поднялся, пересек комнату. На притолоке был крючок. Тоби тихонько притворил дверь и накинул крючок. Тот вошел без звука. Вернувшись к кровати и став на колени, Тоби закрыл глаза. Вдруг что-то скрипнуло. Мерфи у двери начал скрестись в щелку тупыми когтями. Тоби вскочил и вновь otvorил дверь, но пес и не думал выходить. Стоял, глядя на Тоби с раздражающей услужливостью, и, когда Тоби пошел и в третий раз стал на колени, подбежал, замер рядом с сосредоточенностью слабоумного и жарко задышал прямо в шею. Тоби сдался. Сил предпринять еще что-нибудь не было, он выключил свет и нырнул в постель, оставив дверь открытой. Он почувствовал шлепок, когда вспрыгнул Мерфи, и теплую тяжесть, навалившуюся ему на ноги. В полурастворенную дверь неторопливо струился через комнату густой, настоящий воздух. Спустя несколько минут мальчик и пес крепко спали.

Глава 5

Наступило утро. Вскоре после шести зазвонил колокол, но Дора знала, ее это не касается, это для тех, кто собирается к мессе. Пол встал рано не из набожности, а из желания поработать. Притворяясь спящей, Дора поглядывала, как он пишет за чертежным столом, который придвинул вплотную к окну. Комнату заливал бледный солнечный свет раннего летнего утра, и с постели ей видно было безоблачное, почти бесцветное небо, обещавшее еще один знойный день. Дора с огорчением вспомнила, что все летние платья остались в чемодане и придется ей снова облачаться в тяжеленный жакет и юбку.

Встала она, и то после неоднократных напоминаний Пола, только к завтраку – в половине восьмого. Трапезной общине служила большая комната на первом этаже меж двумя каменными лестницами, двери из нее выходили на площадку. Пищу в Имбере вкушали молча. За обедом и ужином кто-нибудь из общины читал вслух, за завтраком это было не принято. Дора была рада молчанию, оно избавляло от необходимости поддерживать разговор и давало возможность изъясняться жестами и улыбками, когда к ней тем же способом обращались – особенно миссис Марк или Джеймс. Она основательно подкрепилась чаем с тостами, поглядывая при этом через площадку, где уже припекало, на неистово сверкавшее на солнце озеро.

После завтрака миссис Марк пообещала Доре, что улучит до обеда часок и покажет ей дом и поместье. После десяти она зайдет за Дорой к ней в комнату. Пол, говоривший тем временем по телефону, вернулся с доброй вестью: чемодан нашелся, его вернут на станцию. В купе заметили Дорину оплошность. Шляпе от солнца, правда, найтись было не суждено. Дора пообещала сходить до обеда на станцию за чемоданом. Эта договоренность вполне устраивала Пола, и он тут же пошел в монастырь, чтобы продолжить работу. Миссис Марк, сказал он перед уходом, наверняка приведет к нему Дору, когда они будут совершать свой обход. Пол с утра был шелковый, и теперь Дора окончательно убедилась, что возвращению ее он безмерно рад. Доставив ему радость, она и сама разом простодушно обрадовалась, и от этого да от сиянья солнца и какой-то неукротимой жизненной силы прямо-таки развеселилась. Она нарвала в траве у озера полевых цветов и вернулась к себе в комнату – дожидаться прихода миссис Марк.

Оглядев комнату, Дора подумала: хорошо снова поселиться в уголке, который можно устроить, как твоей душе угодно. Эта пустая, безликая комната живо напомнила ей случайные комнатухи, в которых она жила в Лондоне, пока не встретила Пола, – однокомнатные квартирки в Бейсуотере, Пимлико, Ноттинг-Хилле, которые так приятно было украшать картинками, афишками и прочими довольно-таки идиотскими безделицами собственного изготовления, которые стоили буквально гроши.

Квартира Пола на Найтсбридже, которая поначалу ослепила Дору, потом казалась ей по сравнению с теми комнатухами безжизненной, как музей. Но на этой комнате в Имбере Пол еще не оставил своего отпечатка. Он сообщил Доре, что комнату следует каждый день подметать, и переложил эту обязанность на нее. Дора еще раньше заметила на площадке закуток с вениками и совками и старательно подмела комнату. Накрыла постели, сложила аккуратными стопками бумаги Пола. Собрала полевые цветы в ладный букетик, поставила его в стаканчик для зубной щетки, который взяла из ванной. Цветы были просто чудо. Что бы еще такое сделать в комнате, подумала Дора.

Тут в дверь постучали, и вошла миссис Марк. Дора, забывшись, вздрогнула.

– Простите, заставила вас ждать. Готовы к нашему походу? – спросила она.

– О да, конечно, – ответила Дора, схватила жакет и накинула его на плечи.

– Надеюсь, вы на меня не обидитесь, – промолвила миссис Марк. – Мы в доме цветов никогда не ставим. – Она с неодобрением смотрела на Дорин букетик. – У нас все предельно просто. Есть, знаете ли, свои маленькие строгости.

– О господи! – воскликнула, вся вспыхнув, Дора. – Я их сейчас же выброшу, я просто не знала.

– Не надо, – великодушно разрешила миссис Марк. – Эти можете оставить. Я на будущее говорю. Уверена, будет лучше, если вы станете наравне со всеми и подчинитесь правилам дома, не так ли? Это ведь не отель, и гости наши, надеемся, будут держаться нашего распорядка, да и им, думаю, это придется по душе.

– Да, конечно, – пробормотала Дора, все еще ужасно конфузясь, – простите меня.

– Видите ли, мы обычно не позволяем украшать комнату по своему вкусу, – продолжала миссис Марк. – Стараемся во всем, где только можно, подражать монастырской жизни. Считаю вполне разумным такое ограничение – отказаться от столь явного самовыражения. В конце концов, не такая уж это и большая жертва, а?

– Да, действительно.

– Вы скоро освоитесь, – ободрила ее миссис Марк. – Надеюсь, вам тут понравится. Пол так у нас прижился – мы его все полюбили. Ну что, пойдем? А то у меня не так уж много времени.

Она первой вышла за дверь.

– Вы, верно, приблизительно представляете себе расположение дома, – начала объяснять миссис Марк. – Члены общины спят наверху, в этом крыле дома, там прежде были помещения для прислуги. Комнаты на вашем этаже в основном предназначены для гостей. Мы ведь, знаете ли, существуем как неофициальный гостевой дом при монастыре. В будущем надеемся расширить эту сферу деятельности. Сейчас же у нас полно комнат, которые мы и обставить толком не сумели. Другое крыло и вовсе пустует. Прямо под нами, на первом этаже, кухонные помещения – это с тыльной стороны дома, а с парадной – угловая комната, там наша главная контора. По центру, под балконом, как вы уже знаете, трапезная, а в крыльях, за портиком, есть по комнатке – они служат конторами Майклу и Джеймсу. В задней части дома историческая достопримечательность: Длинный зал, слава этого дома. Зал в два этажа высотой. Мы его используем как молельню.

Миссис Марк, пока рассказывала все это, вела Дору вначале коридором, затем мимо темного пролета черной лестницы, через коридор пошире, к громадной двери. Они вошли в молельню, только с противоположной алтарю стороны. При ярком свете дня, подумала Дора, зал имел вид еще более затрапезный и походил на декорации к любительскому спектаклю. В нем не было ни соринки, а он казался пыльным, будто сами стены пропитались этой пылью. Мешковина напоминала Доре о школе.

– Это, конечно, не настоящий храм, – сказала миссис Марк, не понижая голоса. – Дело в том, что он не освящен. Но тут можно помолиться. К мессе же мы ходим в монастырский храм, а кто хочет, может ходить туда и в другое время. По воскресеньям мы проводим здесь утреннюю службу, и кто-нибудь из членов общины читает проповедь.

Они вышли через противоположную дверь в каменный холл. Миссис Марк отворила дверь в гостиную. Современной обивки стулья со светлыми полированными подлокотниками стояли точно в круг, нелепо выделяясь на фоне темных панелей, которыми были обшиты стены.

– Это единственная комната, которую мы как следует обставили, – сказала миссис Марк. – Мы сходимся сюда в часы досуга, тут так уютно. Дубовых панелей, конечно, здесь первоначально не было, они появились лишь в конце XIX века, в ту пору это была курительная.

Они прошли на балкон и начали спускаться по правому крылу лестницы.

– Вот и центральная контора, – миссис Марк кивнула на окна большой угловой комнаты. – Увидите моего мужа, он там работает.

Дойдя до окна, они заглянули в светлую комнату. В ней стояли чертежные столы и стеллажи из сосновых досок, заполненные аккуратными стопками бумаг. Над одним из столов склонился Марк Стрэфффорд.

– Он ведет счета, – пояснила миссис Марк. Какое-то время она наблюдала за ним с любопытством, в котором, как показалось Доре, не было и тени нежности. Миссис Марк не стала стучать в окошко, а скользнула мимо.

– Ну, теперь в монастырь, – сказала она, – и заглянем к Полу.

Поглядев на миссис Марк, когда та смотрела на мужа, и глядя на нее теперь, когда она, довольно-таки полная, прела в своем линялом, по-детски простеньком летнем платице, Дора почувствовала первый проблеск симпатии и интереса и спросила:

– А чем вы с мужем занимались до того, как приехали сюда?

Дора, коли ее что-то интересовало, вопросы задавала не задумываясь.

– Можете считать меня ужасной занудой, – вздохнула миссис Марк, – но я должна вас предупредить: мы здесь никогда не обсуждаем нашу прошлую жизнь. Это еще одно религиозное правило, которому мы стараемся следовать. Без сплетен. Ведь если вдуматься, люди редко когда расспрашивают друг друга о жизни из чистых побуждений, верно? Я на себе в этом убедилась. От праздного любопытства до злословия один шаг. Надеюсь, вы меня поймете. Повнимательнее на этих ступеньках, они заросли немного...

С террасы они повернули в сторону монастыря, спустились по когда-то гладким, а теперь изрезанным проросшей на них длинной жесткой травой каменным ступеням и двинулись по тропинке к дамбе. Дора, разозлившись, молчала.

Вода в озере была недвижима: посередине она искрилась бледной голубизной, а по краям окрасилась застывшими отражениями. Дора посмотрела вперед, на мощную каменную стену с завесой вязов изнутри. Над деревьями высилась монастырская башня. Теперь, при свете дня, Дора видела, что это прямоугольная нормандская башня, вдохновенное творение зодчего, без излишеств вроде башенок и амбразур. Башня была сложена из серовато-желтого камня, каждую сторону ее украшали два ряда парно расположенных сводчатых окон, окаймленных зигзагообразной, издали казавшейся жемчужным шитьем резьбой и разделенных каймой арочного плетения.

– Прекрасный образец нормандского зодчества, – заметила миссис Марк, проследив за Дориным взглядом.

Они спустились к дамбе. Та перехватывала озеро вереницей покатых арок из старого красного кирпича, побуревшего от времени. Каждая арка вместе со своим отражением образовывала темный эллипс. Дора заметила, что по центру дамба обвалилась и туда на сваях подставили деревянную секцию.

– Тут были большие волнения во время упразднения – упразднения монастырей, я имею в виду, – и эту часть проломили по приказу самих монахинь. Им это, однако, не помогло. Монастырь был сожжен почти дотла. После Реформации он пришел в запустение. Когда был построен Имбер-Корт, монастырь лежал в руинах и был одним из самых романтических уголков в этих местах. Потом, в XIX веке, после оксфордского движения⁹ – вы понимаете, о чем я говорю, – обитель заняли англиканские бенедиктинцы – прежде-то монастырь был бенедиктинским – и перестроили ее в начале девятисотых годов. В ту же примерно пору они приобрели и рукописи, которые интересуют вашего мужа. Из старых построек сохранилось немного – только трапезная, ворота, ну и, конечно, башня.

Они ступили на дамбу. Дора затрепетала от восторга.

– А мы подыдемся на башню? – спросила она.

– Что вы, мы внутрь вообще не пойдем, – ответила миссис Марк, несколько оторопев. – Это же закрытый женский монастырь. Никто туда не заходит, и никто оттуда не выходит.

⁹ Оксфордское движение – движение за обновление жизни в церкви, начавшееся с выступления оксфордского богослова Дж. Кибла в 1833 г. против вмешательства государства в дела церкви. В дальнейшем приобрело большой размах и оставило след не только в церковной жизни Англии, но и в западном христианстве в целом.

Это сообщение ошеломило Дору. Она даже остановилась.

– Вы что же, хотите сказать, что они там заточены? – спросила она.

– Не заточены, моя милая, – рассмеялась миссис Марк. – Они там по доброй воле. Это же не тюрьма. Напротив, попасть туда очень трудно, только избранные удостоиваются этой чести. Они, как Мария в притче, избрали себе благу часть.

Дора с миссис Марк тронулись дальше.

– И что же – они никогда не выходят оттуда? – допытывалась Дора.

– Нет, – сказала миссис Марк. – Бенедиктинцы дают обет – всю жизнь провести в том монастыре, где дают первый обет послушания. Там они и умирают, там их и предают земле, на монастырском кладбище.

– Какой ужас! – воскликнула Дора.

– Тише теперь, пожалуйста, – понизила голос миссис Марк.

Они подходили к краю дамбы. Теперь Дора увидела, что высокая стена, которая, казалось, подымается прямо из озера, на самом деле отстоит от воды ярдов на пятьдесят. От берега разбегались две извилистые тропки, присыпанные галькой: одна вверх, к центральному входу – огромным, наглухо запертым деревянным воротам, а другая влево, вдоль монастырской стены.

– Эти врата, – вполголоса поясняла миссис Марк, – всегда на запоре. Они распахиваются только перед той, что принимает постриг. Это весьма впечатляющая церемония. Она происходит ранним утром. Кстати, через недельку-другую они тоже распахнутся. Доставят новый колокол, и его повезут этой дорогой, будто он принимает постриг.

Они свернули влево, на дорожку, которая вилась меж стеной и озером. Дора увидела длинное кирпичное строение с плоской крышей, уродливым наростом выпиравшее с наружной стороны стены.

– Не шедевр, конечно, но это строилось не для красоты, – сказала миссис Марк. – Здесь приемные, куда приглашают монахинь для бесед с мирскими людьми. А в конце есть часовня для прихожан, где и мы можем принимать участие в монастырской службе. Монастырский храм – это огромное здание, оно стоит прямо по другую сторону стены. Отсюда виден лишь краешек его черепичной крыши – вон там, за деревьями.

Через зеленую дверь с края здания они прошли внутрь. Перед ними открылся коридор со множеством дверей.

– Я вас проведу в одну из приемных, – сказала миссис Марк, переходя почти на шепот. – Не будем пока отвлекать вашего мужа. Он работает там, в самом конце.

Они отворили первую же дверь. Дора очутилась в маленькой квадратной комнатке, совершенно пустой – только два стула да блестящий линолеум на полу. Стулья были повернуты к противоположной от двери стене, вся ее верхняя часть была затянута большим марлевым экраном. Миссис Марк подалась вперед.

– Другая половина комнаты, – сказала она, – уже по ту сторону, в обители.

Она потянула марлевый экран за деревянную рамку, и тот отворился, словно дверца, оставляя за собой окошко, забранное металлическими прутьями с зазором дюймов в девять. С внутренней стороны к решетке вплотную прилегал второй марлевый экран, скрывавший другую половину комнаты.

– Вот видите, – сказала миссис Марк, – монахиня с той стороны отворяет экран, и можно через решетку разговаривать с ней.

Она вновь закрыла экран. Доре все это показалось невообразимо жутким.

– А вам не хотелось бы побеседовать с кем-нибудь из монахинь? – спросила миссис Марк. – Только настоятельница наверняка очень занята. Джеймс с Майклом и то видят ее лишь от случая к случаю. Но матушка Клер, уверена, будет рада повидать вас и поговорить.

От тревоги и негодования у Доры теснило грудь.

– Не думаю, что мне есть о чем говорить с монахинями, – сказала она, стараясь, чтобы в голосе не проскользнули агрессивные нотки.

– Ну, как знаете, – сказала миссис Марк. – Думаю, вам было бы полезно переговорить с ними. Монахини – народ мудрый, вы были бы поражены, как хорошо осведомлены они о мирских делах. Их не удивишь. Люди частенько приходят сюда – излить душу, избавиться от скверны.

– У меня нет проблем, которые мне хотелось бы обсуждать, – отрезала Дора.

Разговор на эту тему настроил ее враждебно: да уж лучше муки ада, чем позволить монашке копаться в твоей душе. Они вышли в коридор.

– И все-таки подумайте, – сказала миссис Марк. – Может, с этой мыслью просто надо свыкнуться. А теперь зайдем к Полу. Он работает в последней приемной.

Миссис Марк постучалась и отворила дверь в комнату, похожую на первую, только в ней стоял еще большой стол, за которым работал Пол. Марлевый экран был закрыт.

Пол с Дорой обрадовались встрече. Пол так и сиял, глядя на жену из-за стола. Когда она заставляла его за работой, он просто не помнил себя от радости, и Дору эта ребячливость умиляла. Ей приятно было видеть его погруженным в работу, она вмиг ощутила прилив гордости за него, вновь подпадая под очарование этого блистательного человека, столь превосходящего во всем и Марка Стрэффорда, и всех прочих здешних мрачных личностей. Дорина способность забывать и жить сегодняшним днем, которая чаще всего приводила к печальным последствиям, делала ее склонной к безотчетным порывам душевной щедрости. Она была начисто лишена памяти и оттого великодушна. И уж тем более она не была ни злопамятной, ни мстительной. Как только она вошла в комнату, она начисто забыла обо всех прошлых ссорах.

– Вот над этими рукописями я и работаю. – Пол говорил очень тихо. – Они очень ценные, и мне не разрешают выносить их отсюда. – Он перегнулся через стол и раскрыл несколько больших фолиантов в кожаных переплетах – так, чтобы Дора могла видеть густо и ярко изукрашенные страницы. – Это ранние хроники обители. Уникальные в своем роде. Вот так называемый картулярый – свод уставных правил и разного рода официальных документов. А вот знаменитая «Имберская псалтырь». Ты только глянь на эти замысловатые буквицы и бегущих по полям страниц животных! А так выглядел монастырь в 1400 году...

Дора увидела комплекс замковых зданий на фоне буйно зеленеющих деревьев и синего неба.

– Как-то не верится, что он был таким белоснежным. Это больше походит на Италию. Неужто все эти золотые штуки сохранились? Ой, а вот и старая башня.

– Шш! – зашептал Пол. – Да, это та самая башня. Изображение, конечно, весьма условное. Вот епископ, который основал обитель, он держит в руках макет монастыря. Отсюда можно почерпнуть более точные сведения о его устройстве. Современный монастырь соответствует расположению старого, хотя, конечно, в точности воспроизводить средневековые постройки здесь не пытались. Эта часть, как и башня, уцелела. Вот в этой старой «Книге свидетельств» можно посмотреть...

– Мы не должны отвлекать вас, – вступила в разговор миссис Марк. – Я еще хочу показать Доре храм, огород и заняться потом своими делами.

Пол огорчился.

– Завтра я тебе еще кое-что покажу, – сказал он и стиснул на прощание Доре руку.

Дора предпочла бы остаться, она скорчила Полу унылую гримасу за спиной удаляющейся миссис Марк. Она уже примерялась, как будет передразнивать эту даму, оставшись с Полом наедине. Вообще-то передразнивать Дора не умела, так что надо было заранее это репетировать. Остроты на чужой счет всегда были у нее вымученными. Плетясь за миссис Марк, она улыбалась про себя, ободренная тем, что отношения с Полом идут на лад.

Миссис Марк дошла до конца коридора и вошла в маленький вестибюль с двумя дверями, одна вела в сад, другая – в часовню. Миссис Марк отворила дверь в храм, пропустила Дору вперед, в кромешную тьму. Пока Дора силилась что-то увидеть, миссис Марк решительно плюхнулась рядом на колени. Постепенно Дора пригляделась и поняла, что находится в маленькой, словно коробочка, комнатке. Паркет тщательно натерт, на стенах какие-то литографии на религиозные сюжеты, скамейки, подушечки на полу. Удушливо пахло ладаном. В глубине комнаты виднелась решетка, прямо от пола и до потолка. В решетке была выпилена дверца, сейчас запертая. От решетки на несколько футов в глубь комнаты выдавалась низкая оградка; за прутьями на возвышении смутно угадывалась боковая сторона алтаря. С медной перекладины до полу свисали отдернутые в край белые занавеси. У алтаря теплился красный огонек. Могильной тишиной веяло из-за решетки.

– Это часовня для посетителей, – зашептала миссис Марк так тихо, что Дора еле слышала, что она говорит. – За решеткой центральный алтарь монастырского храма. Центрального нефа отсюда не видно. Потому мы и можем принимать участие в службах, что не видим монахинь, это ведь запрещено. Каждое утро, в семь, тут служат мессу, к которой допускаются и приходящие. Через дверцу сюда выходит священник причастить пришедшего. А когда причащаются монахини, занавеси задерживают изнутри и отделяют часовню от монастырского храма. Именно тут непосвященные, вроде нас, могут соприкоснуться с духовной жизнью монастыря.

Из храма, откуда-то издалека, донесся слабый шелест, потом звуки шагов.

– Там что, кто-то есть? – прошептала Дора.

– В храме всегда кто-то есть, – ответила миссис Марк. – Это место непрестанных молитв.

Дора чувствовала, что задыхается, она вдруг поняла, что испугалась, и начала пятиться к двери. От стойкого дурманящего духа ладана ужас заговорил в ее вековой протестантской крови. Миссис Марк припала на колено, осенила себя крестом, поднялась и пошла следом за Дорой. Минуту спустя они вышли на яркий солнечный свет. Колыхались на ветру высокие травы, переплетаясь у кромки воды с камышом, безмятежно блистало на солнце озеро. Привольный простор раскинулся под безоблачным небом. На склоне проглядывал Имбер-Корт, дымкой обозначились купы вязов. В близости той темной конуры и этого покоя было нечто невероятное. Дора с силой тряхнула головой.

– Сильно впечатляет, правда? – заметила миссис Марк. – Духовная жизнь тут удивительная. Невольно ощущаешь ее воздействие.

Они двинулись обратно через дамбу.

– Возьмем-ка по этой тропинке влево, – решила миссис Марк, – и срежем за домом путь к саду.

От дамбы тропинка побежала вдоль берега, затем вильнула вправо, в густой лес. Впереди засверкали теплицы. Когда Дора с миссис Марк свернули с берега в лес, их догнал по воде высокий звон ручного колокольчика.

Дору прорвало:

– Нет, подумать только, сидеть там взаперти! Ужас!

– Что верно, то верно, – сказала миссис Марк, – женщины эти держат себя в такой аскетической строгости, которая и вас, и меня повергла бы в ужас. Но как ошибаемся мы в отношении грешника – думая о нем лучше, чем он есть на самом деле, когда полагаем, будто страдания облагораживают его, так и заблуждаемся мы в отношении праведника – думая, что жертвы тяготят его так же, как тяготили бы нас. Тут, думаю, надо идти гуськом.

Миссис Марк первой ступила на узенькую тропку, еле видную в забившей ее высокой, блекло-желтой траве. По бокам клонились тяжелыми ветвями сливовые деревья, кладя им на плечи продолговатые, с матовым отливом плоды, которые едва держались на ножках. Дора никак не могла опомниться от увиденного и едва ковыляла на своих высоких каблуках, уставясь под ноги, и видела впереди лишь мелькавшие икры миссис Марк, хорошо развитые, бли-

ставшие здоровьем, бронзовые от загара. Справа показался Имбер-Корт, тыльной своей стороной, отсюда вытянутой сплошным фасадом, в который тесно вжались колонны, обрамлявшие эффектные сводчатые окна Длинного зала. Дора с миссис Марк выбрались на открытое место, где трава была скошена и собрана в копны. Тропка кончилась, и Дорины каблук проваливались теперь в колкую стерню.

– Отсюда и начинается огород, – сказала миссис Марк. – Он пока крохотный. Здесь, ближе к нам, прежде был цветник Имбер-Корта. Мы его разделили под грядки – салат, морковь, лук, лук-порей. Выше фруктовый сад Корта. Он обнесен оградой – вон она виднеется впереди. Там мы оставили все как было – яблони, груши, разная ягода. Было здесь несколько теплиц, мы еще подстроили, поновее конечно, – видите там, по левую руку. В них сейчас столько помидоров! Рядом с теплицами – вон там, из сетки, это курятник. Всего несколько птичек. Недавно мы подняли часть пастбища за рвом. Там у нас капуста, большой участок картофеля и брюссельская капуста. Мы беремся выращивать только те овощи, которые не требуют сложного ухода – приобретаем пока навыки. Осенью вспашем еще часть пастбища.

Они добрались до утопанной дорожки меж застекленными теплицами, она вела к садовой ограде. В поле зрения показалось несколько человек. Чуть поодаль Джеймс Тейпер Пейс разяснял Тоби, как нужно окучивать посадки. В одной из теплиц сновала какая-то фигура, похоже, это был Питер Топглас.

– Окучивать – занятие отнюдь не романтическое, – с видимым удовлетворением заметила миссис Марк. – Но для сада это нужно как воздух.

Навстречу по дорожке на них надвигался Пэтчуэй, он толкал перед собой тачку. Шляпа будто и не снималась у него с головы со вчерашнего вечера.

– Дождя, похоже, опять не будет, – сказала Пэтчуэю миссис Марк.

– Если не ливанет как следует, нам до осени и стрелки лука не видать.

Дора с миссис Марк посторонились, уступая ему дорогу.

– Он отвозит салат, – пояснила миссис Марк. – Какой славный, простой человек! Видите, там, справа, – это задворки конюшен. Говорят, их проектировал Кент¹⁰. Лет пятьдесят назад они частью сгорели, но все еще очень хороши. На старинных гравюрах их частенько изображали. Несколько пустующих денников мы оборудовали под гараж и упаковочный сарай, там мы взвешиваем и фасуем овощи перед отправкой в Пенделкот и Сиренчестер. За этими работами поручено присматривать мне, а еще на меня возложены обязанности по дому и снабжению продуктами. Мы убеждены, что женщинам надо вернуться к своим исконным занятиям. Что толку в переменах ради перемен, правда? Будем очень рады, если и вы к нам присоединитесь. Надеюсь, вы умеете управляться с иголкой?

Дора не умела и сейчас маялась на солнцепеке. От сверкания стекол на прямой дорожке у нее разболелась голова. Она приложила руку ко лбу.

– Бедняжка! – воскликнула миссис Марк. – Я вас совсем замотала. Мы только заглянем во фруктовый сад, а потом вам, наверно, лучше вернуться домой и прилечь, я же займусь своими делами.

Она толкнула деревянную калитку в ограде, и они вошли в сад. Просторный участок, густо поросший кустарником, огораживали перевитые плющом и валерианой старые каменные подпорки, потрескавшиеся и раскрошившиеся за долгое знойное лето. В дальнем углу поблескивала стеклышками большая клеть. Над всей этой дивной картиной зависло марево, тут, казалось, было самое жаркое место в саду. Аккуратно обрезанные фруктовые деревья распластали по подпоркам ветви со скрюченными от зноя листьями. Дора с миссис Марк двинулись вперед по одной из дорожек, за одежду начала цепляться усохшими остренькими пальчиками малина.

– А вот и Кэтрин, – сказала миссис Марк. – Она собирает абрикосы.

¹⁰ Уильям Кент (1685–1748), английский художник и архитектор, представитель палладианства.

Они подошли ближе. Через подпорки на дерево была накинута большая мелкочешуйчатая сеть, она закрывала плоды от птиц. За сетью видна была затерявшаяся в листве Кэтрин, она кидала золотые плоды в стоящую у ног плоскую корзину. Голова у Кэтрин была покрыта мягкой белой шляпой от солнца, под нее низким пучком подобраны темные волосы, но они выбились и кудрявыми прядями разметались по плечам. Кэтрин была так сосредоточена на том, что делала, что и не заметила Доры с миссис Марк, пока те не подошли совсем близко. В запрокинутой под жгучим абрикосовым заревом темноволосой головке было, как почудилось Доре, нечто испанское, и Кэтрин опять показалась ей красивой. Да и обращенное в сторону лицо, не скованное, как на людях, нервической защитной маской, было иным: волевое, величавое и очень печальное. Предчувствие беды вновь охватило Дору.

– Здравствуйте, Кэтрин! – громко сказала миссис Марк. – Я к вам Дору привела.

Кэтрин вздрогнула и испуганно обернулась. Вот дерганое создание, подумала Дора и улыбнулась. Кэтрин через сеть улыбнулась ей в ответ.

– Вам тут, наверно, страшно жарко, – сказала Дора. Кэтрин была одета в летнее, блеклых тонов платье с открытым воротом. Шея у нее загорела дочерна, но лицо своей болезненной бледностью, похоже, отпугивало солнце, оттого и казалось – что отметила про себя накануне вечером Дора, – будто в лице у Кэтрин ни кровинки. Пока Кэтрин говорила с Дорой, она все откидывала назад шляпу, пока та не свалилась, повиснув тесемками на пышных локонах, теребила сбившуюся на лоб темную челку, отирала о платье вспотевшую загорелую руку. Они перебросились парой ничего не значащих слов о погоде, и Дора с миссис Марк повернули назад.

– Как Кэтрин волнуется из-за пострига, благослови Господь ее душу, – вздохнула миссис Марк. – Что и говорить, самая волнующая пора в ее жизни...

– Пострига? Какого пострига?

– А, вы пока не знаете, – сказала миссис Марк, ведя Дору обратно к калитке. – Кэтрин собирается постричься в монахини. Она в октябре уходит в монастырь.

Они вышли за калитку. Дора в последний раз оглянулась на фигурку под сетью. Услышанная весть удивила, ужаснула ее; вроде и от души отлегло, но и что-то заныло внутри, томило то ли жалостью, то ли страхом – будто чему-то в ней самой грозила гибель...

* * *

– Извините, пора закрывать, – сказал человек из-за стойки.

Дора виновато вскочила и вернула стакан. Она осталась последним посетителем в отливающем темным лаком логове «Белого льва». Она выбралась на солнечный свет, услышала тоскливый писк затворившейся за ней двери. Было половина третьего.

Избавившись утром от миссис Марк, Дора передохнула минут двадцать и отправилась по тропинке, указанной ей миссис Марк, в деревню, чтобы справиться на станции о чемодане. Путь оказался куда длиннее, чем она предполагала, и, когда она все-таки, вспотев и утомившись, туда добралась, выяснилось, что чемодан должны вернуть с поездом, до прибытия которого оставалось еще с полчаса. Дора послонялась по деревне, с удовольствием обнаружила в ней открытые бары. Она осчастливила своим посещением сначала «Белого льва», потом «Волонтера», подремала там в полумраке, наслаждаясь тихим забытьем кабачка, будившим в ней более приятные ассоциации с пребыванием в церкви, нежели сегодняшнее. Она вернулась на станцию, узнала, что поезд запаздывает. Наконец он прибыл, чемодан выгрузили и вручили Доре. Первым делом она скрылась в туалете, переделалась в летнее платье и переобулась в сандалии. Выплыла она оттуда, чувствуя себя куда лучше, и собралась уже, нагруженная чемоданом, двинуться в обратный путь – причем, насколько он будет тяжел, не удосужились подумать ни Пол, ни она сама. Но глянула на часы – четверть второго. Ланч в Имбер-Корте, вспомнила Дора, в половине первого. Тут-то она и отправилась в «Белого льва» во второй раз.

Когда ее оттуда выдворили, она побрела по деревне, отыскала указатель и тропинку, которая вела через два поля пшеницы и лес. Рыжеспелая пшеница была сжата и стояла в скирдах под навесами. У обочины привидениями вырастали запоздалые, чахлые маки. Дора добралась до дороги, прошла по ней немного вдоль ограды поместья, нашла в ограде калитку и нырнула внутрь. Отсюда тропинка диагонально тянулась через два ручейка, впадавших в озеро, и смыкалась с дорогой у третьего мостика. То была самая приятная часть пути, пролежавшая в основном в тени, и Дору, хоть она и проголодалась и волновалась из-за того, что так припозднилась, сразу очаровали ласковый воздух и зеленые арки, сомкнувшиеся над головой, как только она добралась до деревянного мостика через Первый ручей. Тень давала ощущение прохлады, а пустой желудок – прилив сил.

Имение по эту сторону густо поросло лесом, и ручей прокладывал свой путь, как по дну листовяной пещеры, меж кустов бузины и молодых побегов ясеня, под высокой сенью старых деревьев. К ручью клонились травы, он волочил близ берегов их живые стебли, а посерединке перекачивал своими прозрачными водами песок и камушки. Дора постояла с минуту, глядя вниз, на трепещущую бликами воду, и поймала себя на мыслях о Кэтрин. Она представила, как та, обряженная невестой, вступает в октябре в огромные монастырские ворота, дабы никогда более не выйти из них. Потом ей привиделось, будто она сама, Дора, идет по дамбе и неотрывно глядит в распахнутые настежь ворота. Ее охватил озноб, она отогнала видение прочь, быстро ступила сандалиями в воду и побрела вброд через ручей. Слава богу, она не Кэтрин!

Она вскарабкалась на противоположный берег и, оцарапанная, промокшая до нитки, двинулась дальше. И тут две ужасные мысли разом ударили ей в голову. Первая – она сбилась с пути. До Второго ручья она, правда, добралась, тот был пошире и по берегам зарос ежевикой, но никакого мостика через него она не обнаружила и теперь шла вдоль ручья вверх по тропинке. Вторая – она оставила в «Белом льве» чемодан. От этой мысли Дора прямо-таки взвыла от отчаяния. Мало того, что она опоздала к ланчу, она и чемодан опять потеряла. Даже если чемодан найдется, Пол от ее безмозглости теперь надолго рассвирепеет. Она повернула было назад, в деревню, за чемоданом. Но она так запарилась, так устала и так хотела есть, а тащиться надо было в такую даль и кругом вдруг оказалось столько крапивы, да она еще к тому же и заблудилась... Нет, я полная идиотка, думала Дора.

В этот самый миг она услышала шорох листвы за спиной, и на тропинку из лесу, раздвигая перед собой сплетенные ветви, вышел мужчина. Это был Майкл Мид.

Он, похоже, удивился, увидев Дору, и шел к ней навстречу с вопрошающей улыбкой на лице.

– О, мистер Мид, я, кажется, заблудилась.

Она смутилась, оказавшись наедине с главой общины.

– А я видел, как среди деревьев мелькнуло что-то яркое, – сказал Майкл, – и никак не мог понять, что же это такое. Поначалу подумал даже, не из редких ли птичек Питера там кто-то разгуливает! Так если вам к дому, вы идете не туда. А я ходил поглядеть на грядки с кресс-салатом, мы его выращиваем подле того ручья. Сейчас, правда, не сезон, но прочищать его все равно надо. Хорошо здесь, правда?

– Да, просто замечательно, – ответила она и к ужасу своему поняла, что вот-вот расплачется. От голода и жары, которая не отпускала и в лесной тени, у нее закружилась голова.

– Вы перегрелись на солнышке, – сказал Майкл, – присядьте на этот пенек. Держите голову прямо, вот так. Сейчас все пройдет. – Он с улыбкой коснулся рукой ее шеи.

– Да не в том вовсе дело, – всхлипнула Дора. Не найдя носового платка, она начала осушать слезы подпушкой платья, а потом размазывать их по лицу грязной, потной ладонью. – Я пошла за чемоданом, ну, тем, что забыла в поезде, забрала его и снова забыла в «Белом льве»! – Под конец фразы она вовсе разрыдалась.

Какое-то мгновение Майкл оторопело смотрел на нее, а потом расхохотался, да так заразительно, что Дора запнулась и после вынуждена была тоже рассмеяться, правда, довольно-таки невесело.

– Не сердитесь на меня, – проговорил наконец Майкл, – но вы так забавно это сказали. Не убивайтесь попусту. Вечером мне все равно нужно будет заглянуть в деревню, я поеду на «Лендровере» и прихвачу ваш злополучный чемодан. В «Белом льве» он в полнейшей безопасности. Кстати, а вы хоть пообедали? Мы о вас так беспокоились.

– Куда там, – ответила Дора, – я только пропустила рюмочку, у них и бутербродов-то не оказалось.

– Тогда пойдемте прямо домой, – сказал Майкл, – миссис Марк соберет для вас что-нибудь поесть. А потом надо бы вам прилечь. Бурное у вас выдалось утро. Мы пойдем через холм, там переправимся по валунам через ручей. Это самый короткий путь, да тут и попрохладнее. Ну, поднимайтесь – и за мной!

Майкл помог Доре подняться. Она ему улыбнулась и, почувствовав, что ей полегчало, откинула с брови влажную прядь, а потом двинулась за ним следом по тропинке. О чемодане она больше не вспоминала, от смеха Майкла все ее волнение как рукой сняло. И она была за это очень ему признательна. Накануне вечером Майкл показался ей каким-то бледным, немощным, и выглядел он переутомленным, рассеянным. Но сегодня он был решителен и нежен, и узкое лицо его, оказывается, так смугло, а волосы отливают золотом. Он вечно будет иметь застенчивый вид – и все из-за своих близко поставленных глаз, но зато какие голубые эти глаза!

Так и шла она по тропинке, вновь обретая спокойствие, шла и глядела своему провожаемому в шею, загорелую, худенькую, по-детски торчавшую из воротничка довольно-таки заново-белой рубашки. Вдруг, увидев что-то впереди, Майкл встал как вкопанный. Ни слова не говоря, Дора тихонько подошла сзади – что же это его остановило? Она выглянула у Майкла из-за плеча.

На небольшой полянке ручей устроил себе из мшистых валунов и жесткой осоки заводь. Посередине, похоже, было довольно глубоко, вода там неприветливо бурилась. Поначалу Дора ничего, кроме этого кружка воды да неровных бликов пробивавшегося через листву солнца, не увидела. А потом заметила застывшую у дальнего края заводи бледную фигурку. В следующее мгновение, оправясь от изумления, она поняла, кто это. Тоби Гэш в соломенной шляпе стоял и выуживал длинным прутиком со дна заводи тину. Дора мигом увидела – прежде, чем поняла, кто это, – на Тоби, кроме шляпы, ничего нет. На его белокожее, худенькое тельце падал то солнечный лучик, то тень от качавшейся на ветерке ивы, под которой он стоял. Он старательно гнул прутик, сосредоточенно взирая на воду и не подозревая, что за ним наблюдают. Он держался так, будто нагота для него дело привычное – с такой застенчивой грацией передвигал он свое долговязое худенькое тело. Дора затрепетала от восторга: в памяти из итальянских впечатлений всплыл вдруг юный Давид Донателло¹¹ – беззаботный, полный сил, восхитительно нагой и обворожительно незрелый.

Будь Дора одна, она бы сразу окликнула Тоби, так мало она была смущена и так искренне очарована тем, что увидела. Но ее сдерживало присутствие Майкла. О нем она на какой-то миг забыла. Потом взглянула на него и поняла, что смущает ее не столько его присутствие, сколько он сам – ведь он-то наверняка воображает, будто она смущена. И она теперь видела, как горестно смотрит Майкл на Тоби. Майкл тихонько развернулся, взял Дору под руку и, стараясь не шуметь, повел ее обратно тропинкой, которой они только что поднимались. Покой Тоби не был потревожен. Все это Дора сочла глупой деликатностью, но и она шла, ступая как можно тише.

¹¹ «Давид» – бронзовая статуя работы итальянского скульптора эпохи раннего Возрождения Донателло (ок. 1386–1466). Находится в Национальном музее Флоренции.

– Мы отпустили его до вечера, – сказал Майкл, отойдя чуть поодаль. – Я все беспокоился, куда он делся. Думаю, лучше не мешать ему, пусть себе поплавает. Мы и иным путем можем добраться.

– Да, конечно, – согласилась Дора.

Теперь Дора держалась с Майклом уверенней, они вместе упоенно созерцали эту чудную пастораль, и она чувствовала в Майкле сообщника. Своей застенчивостью, деликатностью Майкл растрогал Дору. Ей вспомнилось, как он прикоснулся к ее шее. После необычного этого приключения меж ними протянулась трепетная нить плотского желания, которой прежде не было. Тайное это влечение, робкое, нежное, умиляло Дору, и, когда они спускались вниз по тропинке, она улыбалась про себя, предугадывая в своем спутнике перемену к ней. Теперь она будет для него воплощением женщины – желанной, нагой и такой близкой ему в этом после-полуденном зное.

Глава 6

Майкл Мид был разбужен странным прерывистым гулом – похоже, он накатывал со стороны озера. С минуту Майкл лежал неподвижно, со страхом вслушиваясь в наступившую тишину, потом поднялся и пошел к отворенному окну. Оно выходило на монастырь. Стояла светлая, лунная ночь, и, опасливо выглянув из окна, он разом мог окинуть взором озерную ширь, монастырскую стену напротив, ясно очерченную сияющим светом луны, которая поднялась над садом. Все было вроде и привычно, и в то же время как-то жутковато. Майкл скользнул взглядом по стене, туда, где она обрывалась и монастырская территория была у воды открыта спуском к широкому каменистому берегу. Здесь, немало изумясь, Майкл с удивительной ясностью увидел скопище фигур. Прямо у озера стояло несколько монахинь. Он видел их черные бесформенные одежды, колыхавшиеся при движении, а позади – четкие контуры сизых теней, которые отбрасывала луна; из-за причудливой игры света фигуры, казалось, были удивительно близко. Вот теперь они склонились над чем-то, вытаскивают из воды... нечто тяжелое, большое, и монахини, неловко ухватившись, волоком тащили его из воды. Майкл подумал, не скрежет ли этого предмета о камни он слышал? Но затем, с дрожью ужаса, понял: продолговатое, мягко-податливое, что они выволакивают на берег, – это же человеческое тело... Они вытаскивают из озера труп. Леденя от страха, Майкл стоял и не знал, что ему делать. Какое тайное несчастье случилось, финал которого он невольно наблюдал, кто был утонувший человек, чьи бранные останки теперь недвижно лежали на дальнем берегу? Фантастическое предположение вдруг пришло ему в голову – это некто умерщвленный самими монахинями. Увиденное было столь невыразимо зловещим и жутким, что удушье страха перехватило ему горло, он отчаянно рванул ворот пижамы, тщетно силясь закричать от ужаса.

Он заворочался и понял, что лежит в постели. Комнату заливал ранний утренний свет. Майкл сел в кровати, все еще держась за горло, сердце бешено колотилось. Все это ему придалось, но столь велико было впечатление от пережитого во сне, что он сидел еще какое-то время ошарашенно, не веря, что и впрямь проснулся, и не в силах освободиться от пригрезившегося кошмара. Снова этот дурной сон. Уже в третий раз снилось ему примерно одно и то же: ночь, монахини, вытаскивающие из озера утопленника, и внутренняя убежденность, будто на берегу лежит их собственная жертва. Всякий раз сну сопутствовало неодолимое чувство зла, и всякий раз у Майкла оставалось странное ощущение, будто глухой гул, который предшествовал сну, был не во сне, а наяву и он действительно его слышал, тот его, собственно говоря, и будил.

Часы показывали без двадцати шесть. Он поднялся и не без опаски пошел к окну, ожидая увидеть нечто необычное. Но все имело привычный вид, с печатью предрассветной пустынности и неприкаянности. На постриженной травке около дома сутились дрозды, исполняя свой таинственный ритуал ранних птиц. Все остальное замерло. Тихая, ровная гладь озера дышала бледным рассеянным светом солнца, встающего в густой дымке. Будет еще один знойный день. Майкл глянул туда, где оканчивалась монастырская стена и плескалась в прибрежных камышах озерная вода. Ни каменистого берега, ни фигур там не было. Майкл задумался: что означает этот сон, что в его подсознании заставляет приписывать такие ужасы безвинным, праведным монахиням? Он был уверен: не темные силы воздействуют на него, а в нем самом есть активный источник зла. Он встряхнул головой и стал на колени перед растворенным окном, не спуская глаз с того места, где во сне разворачивались события, и начал без слов молиться. Расслабился телом. В молитве без боя отдался, со всей своей скверной, Основе всего сущего. И мало-помалу вернулась к нему безмятежность, а с ней и тихая радость, возрождающаяся вера в то, что истинно существует Господь и в нем исцеление всякого страдания и одоление всякого зла.

Ложиться снова не имело смысла, и Майкл немного посидел над Библией. Затем обратился к дневным заботам. Вспомнил с некоторой досадой, что наступила суббота и утром должно состояться еженедельное собрание общины. На сей раз повестка дня была напряженной. Собрания проходили совершенно неофициально, и Майкл обычно готовил к ним перечень вопросов, а присутствовавшие могли и сами по желанию поднимать какие-то проблемы. Он начал царапать на листке бумаги: «Механический культиватор, финансовые просьбы, белки и т. д., приготовления к встрече колокола». Карандаш замер, Майкл обдумывал написанное. Он глянул на часы. До мессы еще минут двадцать.

Имберская община в теперешнем своем виде просуществовала немногим более года. Возникновение ее, в коем Майкл сыграл решающую роль, было случайным, а будущее – неопределенным. Имбер-Корт был родовым гнездом нескольких поколений предков Майкла. Сам он здесь никогда не жил, и дом, содержать который было слишком дорого, почти все время сдавали – и в войну, и какие-то годы после нее – учреждениям государственного департамента. Затем дом опустел, и встал вопрос о его продаже. Имбер всегда манил Майкла, поэтому-то он его и сторонился. Он почти не бывал там и имел весьма смутные представления о доме и поместье. В юности он намеревался стать священником, и, когда это ему не удалось, он в течение нескольких лет преподавал в школе. Религиозному призванию он не изменил, но никогда, вплоть до самого недавнего времени, не навещался в Имберский монастырь: табу, наложенное им на Корт, распространялось и на монастырь. Теперь, оглядываясь назад, он приходил к выводу, что место это было для него заказано, неприкосновенно – до тех пор, пока ему не суждено было стать местом действия самых важных событий в его жизни. В Корт он приехал по делу, когда в воздухе носилась идея его продажи, и, соблюдая приличия, нанес визит вежливости настоятельнице. Монастырю будущее Корта, естественно, было безразлично. Майклу оно тоже было интересно, а теперь, когда это будущее и вовсе стало реальностью, весьма волнующе знакомство с бенедиктинской общиной, о святости которой он был наслышан.

Встреча с настоятельницей напрочь изменила планы и всю жизнь Майкла. С легкостью, поначалу его удивившей, а впоследствии казавшейся чем-то predetermined свыше, настоятельница поделилась с Майклом идеей превращения Корта в обитель для светской общины при монастыре, которая была бы «буфером», как она выразилась, между миром и монастырем, полезным и желанным «нахлебником», некой промежуточной формой жизни. Много на свете людей, сказала она – и Майкл был совершенно убежден в ее правоте, ибо чувствовал себя одним из них, – которые не могут ни жить в миру, ни жить вне его. Эти люди как бы с изъяном: стремление к Богу не позволяет им довольствоваться обычной жизнью, но темперамент удерживает в мирской жизни; и в современном обществе, с его убыстренным темпом, засильем машин и техники, нет пристанища этим несчастным душам. Работа, какой она может быть по нынешним временам, развивала свою мысль настоятельница со здравомыслием, в ту пору изумлявшим Майкла, редко когда приносит удовлетворение этим полусозерцательным натурам. Ведь мало осталось занятий – разве что учительствовать или ухаживать за детьми и больными, – в которые можно вкладывать душу. Предположительно возможно – и воистину так бы и следовало – наделять всякое занятие духовным смыслом, но большинству людей это не под силу; и для некоторых, кто, как она выразилась, «одержим поисками Бога», кто не может обрести дела по душе в миру, жизнь полужизни, труд простой и исполненный, в силу святости обстановки, сокровенного смысла были бы настоящим спасением. Долг наш, сказала настоятельница, не стремиться к высшим степеням духовной отрешенности – как это часто бывает, – а искать место, занятие и людей, которые сделают нашу духовную жизнь полноценной. В поиске сем, сказала настоятельница, руководствоваться нужно божественной мудростью. «Мудры, как змии, и просты, как голуби»¹². Майкл, всегда подчиняв-

¹² Евангелие от Матфея, 10:16.

шийся духовному превосходству, где бы с ним ни соприкасался, жадно внимал настоятельнице; изо дня в день приходил он в приемную и, подавшись со стулом вперед, припав к прутьям решетки, неотрывно смотрел в это старое, бледное, казавшееся под белым апостольником пергаментно-желтым лицо, изнуренное давно забытыми жертвами и просветленное неведомыми Майклу радостями. Вера Майкла в Бога имела одну особенность, и, сознавая, что она чревата опасностью, он все же не в силах был от нее отречься, — он ждал появления в своей жизни «образцов», ждал знамений. Он всегда считал себя человеком избранным, живущим в ожидании зова свыше. Неудача, постигшая его попытку стать священником, была сильнейшим разочарованием. И теперь в речах настоятельницы, которые, без каких бы то ни было откровений с его стороны, казались ему точным диагнозом его состояния, он увидел перст указующий. Майкл сознавал тщету последних лет, изглоданных епни¹³, внутренней опустошенностью, которую силился изображать перед самим собой неустанным поиском добра. Теперь же образец наконец появлялся, зов свыше пришел.

Майкл несколько сник, когда настоятельница, оговорив проект общины в целом и наладив все приготовления, перестала его принимать. Она никогда не расспрашивала его о прошлом, и, захваченный грядущими переменами, Майкл выжидал удобной минуты, дабы представить ей полный отчет, которого никогда еще не давал другому человеку, о своей никчемной и путаной жизни. Он, правда, имел основания предполагать, что о самых примечательных фактах его биографии она знала из иных источников. Но как бы отлегло у него от сердца, раскрой он перед ней душу. Тем не менее в силу какой-то недоступной его сознанию высшей мудрости настоятельница не предлагала ему исповедоваться, чего он столь пылко желал, и немного погодя Майкл скрепя сердце отступился, принял свое вынужденное молчание как некую данность, добровольную жертву, хотя то было лишь волеизъявлением этой исключительной женщины, которая явно знала о его желании поведать ей все, как знала и, без сомнения, все, что он должен был поведать, и даже более того. С той поры, как община начала свое существование, Майкл видел настоятельницу лишь трижды, и всякий раз — по ее желанию, чтобы обсудить какие-то ключевые позиции. Все прочие детали, имевшие касательство к монастырю, следовало обсуждать с матушкой Клер либо при посредничестве сестры Урсулы.

¹³ Тоской (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.